

**Формы и функции инаковости  
в трех рассказах Людмилы Улицкой**

Екатерина Похьясмьяки  
Университет г. Тампере  
Институт современных языков, переводоведения и  
литературоведения  
Русский язык и культура  
Дипломная работа  
Декабрь 2011

Tampereen yliopisto  
Venäjän kieli ja kulttuuri  
Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

POHJASMÄKI, EKATERINA: Formy i funkcii inakovosti v treh rasskazah Ljudmily Ulickoj/ Toiseuden muodot ja niiden funktiot kolmessa Ljudmila Ulickajan kertomuksessa.  
Pro gradu –tutkielma, 63 sivua.  
Joulukuu 2011

---

Tämän pro gradu -tutkielman tavoitteena oli analysoida toiseuden käsitettä Ljudmila Ulitskayan kertomuksissa: ”Doč’ Buhary”(2007), ”Cju-jurih” (2007), ”Vtorogo marta togo že goda” (2007). Tätä varten pyrin tutkimaan toiseutta sekä sitä, miten se ilmenee etnisyyden ja sukupuoli-identiteetin näkökulmista. Lisäksi tarkastelin tässä tutkimuksessa sitä, miten nämä käsitteet on esitetty ja korostettu yllä mainituissa teoksissa mm. sosiaalisista, kulttuurisista ja etnisistä näkökulmista. Tutkin myös sukupuolten välisiä eroja hahmojen jokapäiväisessä elämässä.

Ensimmäisessä luvussa tutustuin käsitteeseen ja termiin toiseus sekä tarkastelin tutun ja tuntemattoman suhdetta toiseensa. Termi toiseus on selitettävissä eroavaisuus-käsitteen kautta. Tarkasteltaessa toista ihminen automaattisesti aktivoi alitajuntaansa sarjan stereotyyppioita.

Toisessa luvussa tutkin, miten toiseuden mekanismit toimivat identiteetin muodostumisessa Stuart Hallin Identity-teoksen (Identiteetti, 1999) kautta. Tässä luvussa totesin, että käsitys minuudesta on aina jossain mielessä valheellinen, ja että niin sanotut ”liittymäkohdat”: kansakunta, etninen ryhmä, perhe, sukupuoli jne., jotka luovat yhteisölle yhtenäisyyden tunteen, ovat tavallaan kuvitteellisia. Hallin mielestä identiteetti rakentuu eroavaisuuksien ja samankaltaisuuksien kautta. Toiseutta on mahdoton ymmärtää ilman omaa identiteettiä.

Kolmannessa luvussa käsitelin etnisyyden käsitettä toiseuden näkökulmasta, kulttuuri-identiteettiä ja etnisyyttä Venäjällä. Toiseuden tavoin etnisyyden realisoituu vuorovaikutuksessa muiden kanssa. Etninen identiteetti, kuten mikä tahansa identiteetti, on jatkuvassa erojen ja yhtäläisyyksien vuorovaikutuksessa. Etnisyyden käsite on samalla konflikti-kulttuurinen, poliittinen sekä organisatorinen, ja se liittyy myös alkuperään.

Neljännessä luvussa tutustuin gender-käsitteeseen. Käsitteellä on monia eri teorioita ja määritelmiä. Esimerkiksi perinteisen teorian mukaan gender tarkoittaa ensisijaisesti biologisia eroavaisuuksia. Tähän näkökulmaan uskovat mm. essentialistit. Sen sijaan konstruktivistit ovat sitä mieltä, että maskuliinisuus ja feminiinisyys rakentuvat perustuen yhteiskunnan odotuksiin miehisydestä ja naiseudesta.

Jokainen näistä kolmesta valitsemastani teoksista heijasti toiseutta monitahoisesti. Tarinassa ”Doč’ Buhary” toiseuden käsite monistui etnisistä, sosiaalisista ja sukupuolinäkökulmista. Tarinassa ”Vtorogo marta togo že goda” käsitellään ”valheellista” yhtenäisyyttä Neuvostoliitossa, jossa elettiin kansainvälisyys-käsitteen alla, mutta todellisuus olikin sen sijaan täynnä eroja ja konflikteja. Tarinassa ”Cju-jurih” keskeisenä aiheena ovat stereotyyppit ja niiden petollisuus.

Avainsanat: toiseus, identiteetti, etnisyyden, gender.

# ОГЛАВЛЕНИЕ

Цель и задачи работы .....	<u>1</u>
Введение .....	<u>2</u>
1. Понятие «инаковости» .....	<u>5</u>
2. Понятия идентичности и субъекта.....	<u>10</u>
3. Этничность.....	<u>13</u>
3.1. Понятие этничности.....	<u>13</u>
3.2. Этничность и культурная идентичность.....	<u>15</u>
3.3. Этничность в России.....	<u>16</u>
4. Гендер как понятие и инаковость .....	<u>20</u>
4.1. Теория гендера .....	<u>20</u>
4.2. Разные трактовки понятия «гендер» .....	<u>21</u>
4.3. Гендер и инаковость .....	<u>22</u>
5. Людмила Улицкая - один из самых успешных авторов.....	<u>24</u>
5.1 О писательнице и ее творчестве.....	<u>26</u>
5.2. О проекте детских книг, воспитывающих толерантность.....	<u>28</u>
6 Формы и функции инаковости в произведениях Людмилы Улицкой.....	<u>30</u>
6.1 Умножение различий и этническая инаковость в рассказе «Дочь Бухары» .....	<u>30</u>
6.1.1 Фабула рассказа «Дочь Бухары» .....	<u>30</u>
6.1.2 Интеллектуальная элита как «иные».....	<u>31</u>
6.1.3 Этническая инаковость Бухары.....	<u>33</u>
6.1.4 Дочь Бухары и ее инаковость .....	<u>36</u>
6.1.5 Гриша – «иное счастье» .....	<u>37</u>
6.2 Обманчивость «единства» в рассказе «Второе марта того же года...» .....	<u>38</u>
6.2.1 Фабула рассказа «Второе марта того же года...» .....	<u>38</u>
6.2.2 Этнические различия и конфликты в рассказе .....	<u>39</u>
6.2.3 Социальная инаковость.....	<u>44</u>
6.3 Идентичность и стереотипы в рассказе «Цю-юрихь» .....	<u>45</u>
6.3.1 Фабула рассказа «Цю-юрихь» .....	<u>45</u>
6.3.2 Гендерные, национальные и социальные стереотипы в рассказе .....	<u>46</u>
6.3.3 Деконструкция стереотипов .....	<u>52</u>
6.3.4. Меняющаяся идентичность .....	<u>55</u>
Заключение .....	<u>56</u>
Библиография .....	<u>60</u>

## ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ РАБОТЫ

*"Чужой он и есть чужой. Что в нём хорошего? А свой - он тёплый. У него и глаза другие. Свой - он немножко как ты сам" (Т.Толстая )*

Целью данной работы является анализ "инаковости" в творчестве Людмилы Улицкой, а именно в рассказах: *Дочь Бухары* (2007), *Цю-юрихъ* (2007), *Второго марта того же года* (2007). Для этого прежде всего мы рассмотрим концепции инаковости, а затем проанализируем, какими способами "инаковость" проявляется с расово-этнической, идентификационной и гендерной точек зрения в избранных нами произведениях этой популярной писательницы, чьи труды переведены на многие языки мира.

То, что произведения Улицкой вызывают такой интерес говорит, о том, что она отражает многие важные тенденции современной российской жизни. Обращаясь к проблемам отдельного человека, она делает предметом обсуждения одновременно и проблемы общества, которое в конечном счете состоит из «маленьких» «чужих» друг друг людей.

Ключевыми понятиями данной работы являются: *инаковость, идентичность, этничность, гендер.*

## ВВЕДЕНИЕ

Главной задачей настоящей работы является исследование того, каким образом понятие "инаковости" проявляется с разных точек зрения: расово-этнической, гендерной, социальной, культурной, а также психофизиологической, социальной и личной идентичности в творчестве Людмилы Улицкой на примере трех ее рассказов : *Дочь Бухары* (2007), *Цю-юрихъ* (2007), *Второго марта того же года* (2007), вошедших в сборник « Рассказы» (2007)

Произведения Улицкой населяют обычные люди с разными судьбами. Это могут быть инвалиды, нищие, несчастные, умственно отсталые, по её словам, "незначительные", "маленькие", и слабые люди. Она размышляет на темы человеческой жизни, и её проза населена самыми разными людьми, к которым часто можно применить категорию «инаковость».

Выделение категории "они", "другие" может происходить на основе самого широкого набора критериев, от социальных и демографических, до идеологических, этнических, культурных, гендерных и т.д. Для начала, мы ознакомимся с понятием "другости", а также понятиями идентичности и субъекта, этничности и гендера. Потом с помощью данных концепций мы будем анализировать рассказы Улицкой. То есть, мы намерены рассмотреть, как в этих рассказах показываются и выделяются социальные, культурные, этнические и гендерные особенности в характерах героев в их повседневной жизни. Мы также собираемся рассмотреть те четыре уровня, на которых теоретически реализуется понятие "инаковость": идентификации, номинации, репрезентации и коммуникации.

Эта тема интересна для анализа идентичности субъекта и понимания того, на чем строится это понятие, на чем основано мировоззрение человека, и по каким критериям люди отличают "своих" от «иных», "других", "чужих".

Ключевыми понятиями данной работы являются следующие: *другость, идентичность, этничность, гендер.*

Понятие "инаковости" также называется некоторыми исследователями (напр. Добросклонской) концепцией "других".

Концепция "других", [или как мы это называем "дружество"], является одной из центральных концепций современного культуроведения. Чтобы ответить на вопрос; что представляет собой человек в плане национально - культурной идентичности, необходимо иметь чёткое представление о том, какие факторы лежат в основе культурно - идеологического противопоставления "мы" - "они", (свои - чужие, мы - другие). (Добросклонская 2005:21.)

В дискурсе "другого", "иные" видны всегда как противоположность "нам". Иные всегда представляют иной мир и другие ценности. То есть, категория "мы" освещается исключительно в позитивном плане, в то время как "они" - "иные"- это всегда те, кто в оппозиции. Те, кто отличаются по внешности, культуре, вере и так далее.

Для того, чтобы рассмотреть и проанализировать понятие "инаковости", необходимо изучить как строится человеческое самосознание (идентичность). Это важный аспект для изучения нашей темы, потому что идентичность строится через выделение своих, тех "мы", к которым человек себя относит, и отделение от "чужих". Человек включает свое "Я" в какое-то родственное "Мы", противопоставленное каким-то чужим. "Я - концепция" включает в себя две большие подсистемы: личностную идентичность и социальную идентичность. А в эти идентичности входит еще масса разных идентичностей, которые меняются в зависимости от ситуации. Причастность к коллективу "своих" с его неповторимыми физическими, культурными, историческими, религиозными характеристиками дарует людям чувство "принадлежности". В совокупности эти принадлежности образуют самосознание, идентичность (identity). Это ощущение разных "принадлежностей" является очень важным для характеристики личности каждого человека.

Ощущение разных "принадлежностей" тесно связано с представлениями людей о том, что хорошо и что плохо, как должно и как не должно быть, кто друг, кто враг, как правильно поступать и как неправильно - в общем, со всем, что порождает различные мировоззрения и идеологии, объединяет и разделяет человеческие группы. (Нудельман 2002 www.)

Как уже было сказано выше, главной задачей нашего исследования является рассмотреть и проанализировать, как данная проблема "инаковости", с точки зрения

национально-этнического и гендерного многообразия, проявляется в избранных рассказах Людмилы Улицкой.

При исследовании данной проблемы, будут использованы, например, следующие источники: Стюарт Холл *Identiteetti* (Hall 1999), Кристина Парнелл *Голоса других* (2004), Марьё Кюльмянен *Me ja muut* (Kylmänen 1994), и другие.

Как мы уже выше заметили, для рассмотрения проблемы "иных" нам необходимо изучить конструкции человеческой идентичности. Главным источником для исследования теории этого понятия является работа Стюарта Холла *Identiteetti* (Hall 1999).

Мы будем исследовать, как механизмы инаковости участвуют в образовании самоидентичности. В особенности мы ознакомимся с этнической и гендерной идентичностями, так как они являются важными способами представления образов инаковости в рассказах Улицкой.

Женщина тоже считается "иной", из-за "другого гендера" исключенной из норм, к которой относится человек или, в данном случае, мужчина. По словам Олли Лёуттю (Lyytty 2005:163), уже не раз обращалось внимание на инаковость женщины и в социальной жизни, и в незаметной языковой практике.

Безусловно, понятие женского как "иного" очень интересно и поэтому мы будем исследовать гендерный аспект и ознакомимся с некоторыми сторонами гендерной теории.

Немаловажным для нашего исследования является понятие этничности, которое мы также будем основательно изучать. Этничность является свойством тех, кто признается членом общества, обладающего общими культурными чертами (общими предками и общей историей). Этничность обнаруживает себя в процессе взаимодействия с членами более широкого общества, у которого другие культурные черты. Для изучения этого вопроса будут использованы такие источники как, например, книги Laura Huttunen & Olli Löytty *Suomalainen vieraskirja*, Mikko Lehtonen & Olli Löytty. *Erilaisuus*, Владимира Малахова - *Понаехали тут* и другие.

# 1. ПОНЯТИЕ «ИНАКОВОСТИ»

С помощью термина "инаковость" анализируются отношения между знакомым и незнакомым, структура власти, в которой обозначаются различия, в том числе в статусе (см. Löytty 2005:162). Инаковость объясняется через понятие "различие". Это понятие, по словам Ст. Холла (Hall 1999:144,146,150), обычно отмечается и определяется через бинарные противоположности, такие как: хорошее/плохое, цивилизованный/атавистический, красивый/уродливый и т.д. На наш взгляд, с этим понятием важно ознакомиться для того, чтобы анализировать рассказы Улицкой.

У происхождения понятия "инаковости" нет какого-то одного начала, а оно сформировалось из разных начал (теорий), которые мы хотим описать ниже:

Первая лингвистическая теория, швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (Ferdinand de Saussure), которая утверждает, что различия необходимы для создания значения. Хорошим примером служат такие бинарные значения как белый/черный, день/ночь, маскулинный/фемининный., т.к. в этих примерах отражается разносторонность мира. (Hall 1999:153-154.)

Мы считаем, что человек часто подсознательно любит делить мир на своё и чужое, так как этот процесс важен для создания его идентичности. Некоторые "инаковости", на наш взгляд, человек может видеть даже в излишне черно-белом виде, например, традиционные роли мужчины и женщины. На наш взгляд, Ст. Холл, приводит хороший пример о черно-белой фотографии, в которой в реальности нет ни черного ни белого, а только разные тона серого. В фотографии черный незаметно переходит в белый, также как, к примеру, мужчины имеют в себе и "маскулинные" и "фемининные" черты. (Hall 1999:153-154.)

Вторая, лингвистическая теория, русского философа Михаила Бахтина, немного отличается от первой. В ней утверждается, что различия необходимы, т.к. значения невозможно построить без диалога с "иным". Согласно Холлу, всё что мы говорим и имеем в виду, происходит во взаимодействии с другим человеком. Значение образуется с помощью различий, возникающих в диалогах. То есть, *другой* является существенно важным для создания значения. Но минусом этой теории является то, что значению



невозможно полностью прикрепится, и поэтому никакая группа не может полностью отвечать значениям. (Hall 1999:154-155.)

Третья, антропологическая, теория утверждает, что культура зависит от значений которые даются "вещам" при их классификации. Таким образом различия образуют так называемую основу символов (культуру). Также ведут себя социальные группы, производя значения в своём мире, размещая "вещи" по разным категориям. Культурный порядок какой-то группы нарушается особенно тогда, когда "вещи" начинают проявляться в "неправильных" категориях или когда они не подходят ни к какой категории. Например, мулат, который не входит ни в "белую" категорию ни в "черную". (Hall 1999:155-157)

Там же Холл пишет, что из-за таких символических границ категории "чисты". И таким образом категории культуры получают своё уникальное значение и идентичность. Некоторые культуры стараются замыкаться, то есть исключать иностранцев, чужаков и других, и таким способом "очищаться". В таких случаях инаковость является табу, она становится угрозой культурному порядку, что делает её одновременно парадоксально влиятельной и необычно привлекательной.

Четвертая теория - психоаналитическая и относится к различиям и их роли в психической жизни. Эта теория утверждает, что "иной" служит основой для формирования понятия "Я", субъективности и сексуальной идентичности (гендера). (Hall 1999:160.)

Холл хочет подчеркнуть, что, рассматривая способы, которыми в разных культурах описывают инаковость, на более обширном уровне, можно заметить повторяющиеся варианты принципов репрезентации и способов изображения этого понятия. Холл пишет (Hall 1999:160), что во-первых, вопросы различий и дружности играют все более и более важную роль в философских направлениях и науках. Сначала должно существовать что-нибудь, определяемое как "первичность" или "самость". Во-вторых, Ст. Холл (там же: 152-160, 228) замечает, что инаковость амбивалентна, то есть она может быть и позитивной и негативной. Это необходимо и для производства значения, языка, культуры, социальной идентичности и субъектного понятия о себе как гендерном субъекте. Но одновременно это и что-то угрожающее - опасность,

отрицательные ощущения, падение, вражда и агрессия по отношению к "иному". Идентификация человека и чувство инаковости связаны с властью.

Представление о пространстве и времени, о природе и человеке, об обществе и государстве, о добре и зле - всё то, что мы относим к мировоззрению, - служат той духовной основой, на которой люди собираются в народ, различая "своих" и "чужих". (Кара-Мурза www.)

Причастность к коллективу "своих" с его неповторимыми физическими, культурными, историческими, религиозными характеристиками дарует людям чувство "принадлежности", и не только родовой или племенной, но также партийной, клубной и вообще всякой групповой. В конечном счете, каждый из нас оказывается этакой "точкой пересечения" многочисленных "принадлежностей". (Нудельман 2002 www.)

В совокупности они образуют то, что по-английски называется "identity", на русском языке - "самосознанием" или "самоотождествлением". Это ощущение разных "принадлежностей" как важнейших для каждого человека характеристик его личности - одно из самых глубоких и постоянных и тесно связано с представлениями людей о том, что хорошо и что плохо, как должно и как не должно быть, кто друг, кто враг, как правильно поступать и как неправильно. В общем, со всем, что, будучи пропущенным через сознание, становится миропониманием, порождает различные мировоззрения и идеологии, объединяет и разделяет человеческие группы и потому вызывает самые многочисленные и самые кровавые конфликты. То есть самосознание, идентичность, строится через выделение своих, тех "мы", к которым человек себя относит и отделяет от "чужих". Человек включает свое "Я" в какое-то родственное "Мы", противопоставленное каким-то чужим. (Нудельман 2002 www.)

Смотря на "иного", человек видит автоматически только разницу (например, цвет кожи), а не те же особенности, что у самого себя, вследствие чего человек автоматически активизирует в своём подсознании серию других качеств, которые относятся к той "иной" особенности, то есть, стереотипов. К черному цвету кожи, например, часто относится стереотип лени и сильной сексуальности (Löytty 2005:162, 175). Когда вещи рассматриваются сквозь понятие "инаковости", то главное внимание уделяется двум определяющим друг друга противоположностям. Но в таких случаях забываются другие факторы, исключение которых приводит к искаженным наблюдениям. Часто эти незамеченные факторы являются именно теми, которые соединяли бы рассмотренные выше противоположности.

Добросклонская пишет (2005:25) об анализе концепции других на уровне *идентификации*, или коммуникативного самоопределения, которое свидетельствует о том, что выделение категории "они" может происходить на основе самого широкого набора критериев: от социальных и демографических до идеологических, этнических, культурных, гендерных и т.д. Так, в зависимости от позиции коммуницирующих субъектов, группа "иных" может быть представлена автомобилистами, пешеходами, богатыми, бедными, владельцами собак, демократами, коммунистами, мужчинами, женщинами и так далее. При этом, сам процесс идентификации может осуществляться как в прямой, открытой, так и в опосредованной, имплицитной формах.

По словам Добросклонской (2005:27), анализ этой концепции на уровне *номинации* позволяет ответить на один из важнейших вопросов: как компоненты культурно-идеологического содержания отражаются в наименовании тех объектов и явлений, которые оказываются соотнесёнными с категорией "они".

Уровень *репрезентации* является закономерным продолжением уровня номинации и, как пишет Добросклонская (2005:33), отвечает на вопрос: как строится, из каких компонентов состоит образ других в национальных менталитетах? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо изучать культурно-этнические варианты реализации категории "иных", а именно образы и стереотипные восприятия другой страны, другой культуры, другого народа.

Добросклонская (2005:35-36) выделяет также последний уровень рассмотрения концепции инаковости - уровень *коммуникации*, который выводит нас непосредственно в область межкультурного общения. Главными вопросами здесь будут: какие принципы лежат в основе эффективной коммуникации с представителями других культур, какие препятствия возникают на пути межкультурного взаимодействия и какие существуют способы преодоления этих препятствий.

В конце этой главы мы хотим сделать вывод, что "инаковость" это скорее не свойство, а следствие. Также различие и противоположность это не синонимы, так как противоположности замечаются только внутри какой-то идеологии. Ведь внутри одной группы "Мы", существуют различные личности. Различность становится дружеством обычно в мультикультурной среде, пишет Лёуттю. Например, в Финляндии так называемых финских шведов не выделяют так как, например, финских палестинцев, так как финские шведы не очень отличаются от финнов своей культурой и внешним

видом по сравнению с палестинцами. А также в Финляндии шведский язык является вторым национальным. Поэтому, мы можем сказать что финские палестинцы более "иные" по сравнению с финскими шведами. (Löyty 2005:182.)

## 2. ПОНЯТИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И СУБЪЕКТА

Для нашей работы очень интересно узнать, как именно механизмы инаковости участвуют в образовании самоидентичности, поэтому мы считаем важным ознакомиться с понятиями и теорией идентичности и субъекта.

Стюарт Холл (Hall 1999:11), как он сам замечает, ещё не зная теории, всегда осознавал, что идентичность -- это придуманное понятие. Он пишет в своей книге *Идентичность (Identiteetti, 1999)*, в том числе о понятии "Я", которое всегда в каком-то смысле фиктивно, так же как фиктивны и "смычки", которые как предполагается, создают сообществу возможность чувствовать себя единым, такие как: нация, этническая группа, семья, гендер и т.д.,. Холл верит (Hall 1999: 13.), что крайне важно осознать, что идентичность строится через различия.

По словам Ст. Холла (Hall 1999:14.), всем общественным движениям, которые стараются изменить общество и предполагают строение новых субъектов, обязательно придётся признать одновременно неизбежно фиктивную и при этом необходимую искусственную смычку, из за которой политика и идентичность становятся возможными.

Понятие идентичность имеет три главные модальности:

- а) Психофизиологическая идентичность: обозначающая единство и преемственность физиологических и психических процессов и свойств организма. (Кон [www](#).)
- б) Социальная идентичность: это переживание и осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям. Идентификация с определенными социальными общностями превращает человека из биологической особи в социального индивида и личность, позволяя ему оценивать свои социальные связи и принадлежности в терминах «Мы» и «Они». (Кон [www](#).)
- в) Личная идентичность или самоидентичность: это единство и преемственность жизнедеятельности, мотивов, целей и смысложизненных установок личности, осознающей себя субъектом деятельности. Эта идентичность обнаруживается в способности субъекта поддерживать и продолжать некий нарратив, историю собственного Я, сохраняющего свою цельность, несмотря на изменение отдельных ее компонентов. (Кон [www](#).)

Проблема идентичности является темой широкого обсуждения в общественных науках. Коротко говоря, речь идёт о разрушающихся понятиях старых идентичностей, которые довольно долго уравнивали социальную действительность. Новые понятия идентичности, по словам Холла (Hall 1999:19), разбивают современный единый субъект единой личности на осколки.

У понятий "идентичность" и "субъект" есть своя история, которую можно разделить на следующие три эпохи:

а) субъект эпохи Просвещения

По словам Ст. Холла (Hall 1999:21), просветители уделяли большое внимание человеческой субъективности - таким компонентам внутреннего мира личности, как разум, чувства, воля, делая особый акцент на разуме. Они считали, что разум обеспечивает относительную целостность личности, отвращая ее от пороков, страстей и других проявлений эмоций. Это не позволяло мыслителям Просвещения последовательно раскрыть проблему человеческой индивидуальности. Просветители верили, что каждый человек имеет в себе идентичность или так называемый "центр", который состоит из внутренней сердцевины, которая возникает при рождении человека. Эта сердцевина раскрывается, но в сущности не меняется в течение человеческого существования.

б) социологический субъект

Холл (Hall 1999:22) пишет о сложностях современного мира, которые стали отражаться на понятии субъекта. Несмотря на веру просветителей в неавтономный центр идентичности, ученые стали осознавать влияние на субъекта "иных", которые передавали центру смыслы, значения и символы, то есть культуру, той действительности, в которых сами находились. Одним из важнейших философов того времени, которые верили в "интерактивную" идентичность являлся Джордж Мид (George Mead).

Символические интеракционисты, такие как Холл и Мид, различают два аспекта формирования самости: Я (англ. *I*) — это то, что я думаю о других и о себе, это мой внутренний мир. Мне (англ. *Me*) — это то, что, по моему мнению, обо мне думают другие, это моя внешняя социальная оболочка, как я её себе представляю. Индивид,

считает Мид, развивает самосознание в момент, когда он видит себя так, как его видят другие. Понятие самости не является врожденным, его происхождение целиком социально.

с) субъект эпохи постмодерна

Холл считает (Hall 1999: 22-23), что если модернизм провозглашал идею ценности "Я", то постмодернизм - идею его расщепления. Идентичность уже не является постоянной концепцией. Идентичность субъекта постмодерна,двигающаяся и фрагментарная, к тому же исторически определенная. Понятие "Я" оценивается как культурно артикулированное, связанное с определенной традицией и потому исторически преходящее. Идентификация человека непрерывно меняется, и законченной идентичности не существует.

Этот, так называемый, "кризис идентичности" считают частью большого процесса перемен, с помощью которого сдвинутся с мест главные современные общественные структуры и процессы, а также будет расшатан каркас социального мира, в котором у личностей существовали прочные опоры. (там же)

Игорь Кон пишет в своей статье "Идентичность" на интернет-портале *Гуманитарные науки: Психология и педагогика*, что:

в период юности каждый человек, так или иначе, переживает кризис, связанный с необходимостью самоопределения, в виде целой серии социальных и личностных выборов и идентификаций. (Кон www.)

Своеобразные структурные перемены преобразовали форму современных обществ в конце XX века. Для нас, социальных личностей, по мнению Холла (Hall 1999:20.), это значило разрыв стойких сформировавшихся позиций: классов, пола, сексуальности, этничности, расы и национальности. Эти изменения так же повлияли на наши собственные идентичности и расшатали наши понятия о себе самих как целых субъектах. Это явление потери "ощущения себя" также можно назвать сдвигом субъекта, из-за чего происходит "кризис идентичности", о котором мы писали раньше.

Идентичность строится через различия, также как и понятие инаковости. В следующих главах мы ознакомимся с понятиями этничности и гендера с точки зрения инаковости

### **3. ЭТНИЧНОСТЬ**

Мы не рождаемся готово с национальными идентичностями, а они формируются и изменяют свою форму как часть репрезентации и по отношению с ней. (Hall 1999:46)

Этничность связывают с местом происхождения, что может быть более или менее правдой, пишет Лаура Хуттунен (Huttunen 2005:127), т.к. именно мысль о какой-то родственности, отличает этнические группы от остальных культурных обществ, к примеру, профессиональных или молодежных. Говорят, что человек рождается и входит в социальные ряды своей этнической группы, также, как и в семью или родню, -- пишет Хуттунен. Но что же тогда происходит с этничностью ребенка, которого усыновляют из другой страны и культуры? Или что происходит с этничностью иммигранта, прожившего в другой стране в течение двадцати лет? Ответы на эти вопросы важны для анализа рассказов Улицкой в данной работе. По этой причине мы хотим ознакомиться с понятием этничности с точки зрения инаковости.

#### **3.1. Понятие этничности**

Как и инаковость, этничность возникает при отношении с другим, -- замечает Хуттунен (Huttunen 2005:128-129), ссылаясь на статью Лёуттю (Löytty 2005), которая служила одним из источников теории понятия инаковости в нашей работе. Этнические идентичности, как и любые другие идентичности, существуют в постоянном взаимодействии разниц и схожестей. У двух этнических групп, может существовать море похожих культурных обычаев, но только некоторые обычаи или особенности становятся значительными символами этничности и производителями границ. Если бы в мире существовало всего одно монокультурное общество - которого в реальном мире не существует - то этничности не было бы, так как не было бы никого, от кого можно было бы отличаться, так как этничность рождается и происходит при социальных постоянных отношениях.

Понятие этничности одновременно конфликтно культурное, политическое и организационное. Одно из самых ранних разногласий, это спор между примордиалистами, ситуационалистами и инструменталистами, -- пишет Хуттунен (Huttunen 2005:129-130.)



Первые утверждают что этническая идентификация для личности первичная, обязательная, отражающаяся чувством принадлежности, живущим глубоко в душе. Это чувство возникает в ранней социальной жизни и остаётся почти неизменным в течение всей жизни, и таким образом управляет другими обязанностями человека.

Вторые утверждают, что этничность -- это всего лишь одна из идентичностей человека и зависит от ситуации, как она проявляется и управляет человеческими выборами и поступками.

Третьи утверждают, что этничность это средство, с помощью которого сражаются за ресурсы. Хуттунен хочет заметить (Huttunen 2005:130), что этничность одновременно и влияет на глубокие чувства человека и является средством манипуляции, когда люди претендуют на разные выгоды и ресурсы.

Когда люди переезжают из одной страны в другую, те группы, с которыми они регулярно общались, изменяются, и тогда этничность тоже неизбежно получает другие образы. Это важно понять особенно когда речь идёт, например, об иммигрантах в многокультурном обществе. Их этничность неизбежно становится другой, когда они находятся в новом контексте или общаются с новыми группами. (Huttunen 2005:131, перевод – ЕК.)

Как мы уже замечали раньше, этничность связывают с местом происхождения. Также народы представляются как этнические группы, имеющие собственное государство или пытающиеся его создать, -- пишет Хуттунен (Huttunen 2005:132). Но такие группы, которые считаются этничными, могут иметь очень разные отношения к государству. Они могут стараться жить вместе мирно или стремиться к автономии. Понятия *раса* и *этничность* имеют сложные отношения.

Этничность относится к самоопределению человека, а раса же определяется другими "извне". Хотя Хуттунен (Huttunen 2005:133) замечает, что и эти определения не такие уж черно-белые. Всё-таки она пишет там же, что полезно уметь отличать друг от друга понятия этнической группы и этнической категории. Первое относится к группе, созданной с помощью самоопределения и активной идентификации, а второе относится к определению "извне". Понятие этничности сравнивается с понятием культуры. Оно такое же историческое и постоянно меняющееся, производящееся внутри человеческих социальных отношений и практик, а не присходящее из "природы".

## 3.2. Этничность и культурная идентичность

Этнические группы не гомогенные, как можно было бы подумать, смотря на них со стороны. Например, разницы между социальными классами, уровнем образования, возрастом и гендером создают внутренние различия, и поэтому то, что понимается в культуре как важное и существенное, оказывается спорным и изменчивым. Этничность и культура живут, меняются и обновляются в каждодневных поступках и выборах, -- пишет Хуттунен (Huttunen 2005:135). Они изменяются в отношениях с другими людьми и теми, кого считают членами своей этнической группы.

Национальная культура состоит из воспоминаний, истории или неких событий, выражающих общий опыт какой-то группы. В формировании национальной культуры участвуют традиции, происхождение и мифы. Стюарт Холл замечает (Hall 1999: 45-53.), что национальная культура в свою очередь строит идентичность, создавая представления о нации, с которыми можно идентифицироваться. Национальная культура - это один из главных источников культурной идентичности. Со своей стороны, представления мы можем найти в истории, рассказывающей о нации. Без поддерживающих воспоминаний, желания жить вместе и уважения традиций национальные культуры и конструируемые ими национальные идентичности не обязательно являются едиными.

Этничность может быть основным элементом в самой страшной форме национализма и национальной идентичности. Но в наше время, замечает Холл, понятие этничности стало принимать и некоторые другие значения и определять новое состояние идентичности. Культурную идентичность возможно рассматривать, не только через сходства, но и через различия. Культурная идентичность не готова, не связана с существенными моментами истории, а воспринимается как объект перемен и игр истории, культуры и власти. Культурная идентичность означает позиционирование себя, локализование себя или идентифицирование себя как принадлежащего к какой-нибудь группе, а самоопределение информанта нельзя обнаружить одним лишь рассказыванием. (Hall 1999:16, 2005:227-229.)

Классификация, как людей, так и животных и предметов, -- неотъемлемая часть всякой человеческой культуры (Huttunen 2005:136). Люди всегда склонны воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной

группы, выступающей в качестве эталона: "Мы" (свои) лучше, чем "Они" (чужие). Это явление называется этноцентризмом. Этноцентризм изображает такую односторонность или предубеждение, где своя этническая группа человека ингруппа (ingroup) представляется лучше другой группы аутгруппы (outgroup). Этноцентризм - это разделение на "наше" и другое", "чужое", которое основывается, на каких-то этнических качествах. Этноцентризм означает способность видеть и судить чужие и посторонние события с точки зрения тех норм, которые предлагает своя этническая или национальная группа. (Lindström 1994:179) Но, как мы уже отмечали, разделение на "своих и чужих" может происходить не только по национальному (этническому) признаку. Ст. Холл считает важным (Hall 1999:16), что некоторые люди в настоящее время стараются воспринять новое представление этничности, уравнивая этим дискурс касающийся старых понятий национализма или национальной идентичности.

Мы хотим кратко ознакомиться с этнической ситуацией в России с помощью нескольких статей Владимира Малахова и его книги *Понаехали тут* (2007). Тема этничности в России представляется важной для анализа произведений Улицкой

### **3.3. Этничность в России**

Во время Советской России, власть не уставала подчеркивать многонациональность управляемого ею народа, как пишет В. Малахов в своей книге *Понаехали тут* (2007:161).

Официальный и публичный дискурс опирался не на категории ассимиляции («плавильный тигель»), а на категории разнообразия («дружба народов», «расцвет национальных культур»). Этнические идентичности поощрялись и щедро спонсировались. Быть нерусским не означало быть изгоем. [...] Школьные учебники пестрели картинками, иллюстрирующими этническое разнообразие «страны Советов», а медиа - заполнены передачами о сохранении и приумножении традиций населяющих эту страну народов. (Малахов 2007:161-162.)

Несмотря на политику поощрения этничности, «нерусскость» в России не стала престижной, а она была крайне слабо выражена на уровне реальных социо-культурных практик. Доминирующей среди российских и зарубежных экспертов является парадигма "распада империи" и "национального возрождения" народов бывшего СССР (см. Малахов 2007:27-28).

А.В. Тишков пишет в своей статье (1993 www) "Этничность и национализм в постсоветском пространстве", что именно такая политика поощрения этничности была одной из причин распада СССР. Главной идеологией этой политики была марксистско-ленинская теория национального вопроса и ее академическая модификация в виде "советской теории этноса", основные идеи которой выглядели следующим образом:

а. население мира состоит из сформировавшихся в период этногенеза объективно существующих базовых социальных группировок (архетипов) в форме этнических общностей (этносов), высшим типом которых являются нации;

б. нации обладают набором обязательных характеристик, среди которых собственная территория, общность экономических связей, единый язык и отличительный социально-психологический менталитет (национальный характер);

в. условием существования и развития наций является собственная государственность, на территории которой члены данной группы объявляются представителями "коренной нации", а остальные граждане -- "некоренным населением". (Тишков 1993 www.)

Тишков напоминает, что в советском пространстве с середины 1930-х годов осуществлялась практика социального расизма, т.е. фиксации государством в личных паспортах этнической принадлежности граждан, а это в реальной жизни часто использовалось для дискриминации и получения привилегий по этническому признаку.

Поощрение этничности, но, с другой стороны, жесткий контроль деятельности всех общественных и государственных институтов и подавление личной свободы, привели к достаточно парадоксальной ситуации, которая во многом объясняет причины и характер распада СССР и современные этнические конфликты в России и других новых государствах, пишет Тишков (1993 www).

[...] угнетенное дискриминируемое положение нерусских народов, культура и идентичность которых подверглась насильственной деформации в целях реализации официальной концепции "слияния наций" и конструирования единого "советского народа". [...] Центр и правившая коммунистическая бюрократия жестко регламентировали повседневную жизнь граждан, нарушая их права и свободы, игнорируя интересы и запросы, в том числе и те, которые были связаны с их этнической культурой и ценностями. (Тишков 1993 www.)

В 1960-1980-е годы в республиках СССР появились этнические элиты, которые начали борьбу за национальное самоопределение своих государственных образований, взяв

идеи национализма на вооружение (Литва, Латвия, Эстония, Молдова, Грузия). Таким образом, пишет Тишков (1993 www), этнический кризис в постсоветском пространстве, является результатом неспособности прошлого режима создать благоприятные социальные условия жизни для своих граждан. Также он является результатом несправедливостей в отношении бывших советских национальностей.

В. Малахов пишет в книге *Понаехали тут* (2007), что, на его взгляд, не следует недооценивать культурной гомогенизации общества, произошедшей в советскую эпоху.

Эта гомогенизация была вызвана как объективными процессами модернизации, так и внутренней политикой авторитарного государства. С одной стороны, урбанизация, массовые трудовые миграции, всеобщая воинская повинность и другие факторы модернизации, с другой - идеократический режим, опиравшийся на единую систему образования и централизованные СМИ, атеистическое воспитание и атеистическая пропаганда - все это привело к уничтожению механизмов трансляции традиции. Результатом семи десятилетий советской власти было исчезновение традиционных форм жизни (религиозных, сословных, «этнических»). (Малахов 2007:165.)

Двойная, тройная и более идентичность в современном мире - частое явление. В более спокойной обстановке этническая и государственная идентичность существуют как взаимодополняющие: ты можешь, например, себя чувствовать русским и россиянином, татарин и россиянином. Например, московские грузины, петербургские армяне на протяжении многих поколений, уже хорошо интегрированные в общество люди и ничем не отличающиеся от своего окружения на уровне социальных практик. (Малахов 2007:165)

Понятие этнической группы в таких случаях - скорее статистическая категория, чем характеристика реального социального взаимодействия. Можно сравнить, например, социальные реалии этнических групп в Соединенных Штатах - китайцы, корейцы, испанцы, которые отделены символическими, статусными, культурными барьерами от остального населения. (Дробижева 2001:169)

Этим сравнением России и Соединенных Штатов, мы не хотим дать понять читателю нашей работы, какая идеальная ситуация должна существовать внутри государства у этнических меньшинств. Мы просто хотим указать на примеры, которые были приведены Малаховым и Дробижевой в вышеуказанных исследованиях. Мы также, не

хотим этим показать, что в России, на наш взгляд, ситуация этнических меньшинств хуже или лучше, чем в Соединенных штатах, а подчеркнуть, что в современной России, по словам Малахова (там же), этнические меньшинства не подвергаются такой же дискриминации, как во времена СССР.

В сравнении с СССР, где русские составляли 51 % населения, Россия стала более этнически однородной, но страна и сегодня остаётся поликультурной, пишет Л.М. Дробижина в журнале Мир России в статье "Этничность в современном обществе" (2001:168-169). Представление России некоторыми политиками как моноэтнической, не имеет оснований, --пишет Дробижина.

17% российских граждан - не русские. Если мы хотим сохранить Россию как полиэтничное государство, то нужна политика которая позволяет согласовать интересы личности и государства, этнических групп большинства и меньшинств (там же).

По словам Кристины Парнелл (2004:5), гетерогенность русской культурной дискуссии ставит под сомнение многие стереотипы, среди которых одним из самых устойчивых является вопрос о типичности русского женского образа. Эта точка зрения наиболее интересна для исследования понятия гендера женщины как одной из форм инаковости и то, как это понятие строится в выбранных нами рассказах Улицкой. Для этого в следующей главе ознакомимся с некоторыми аспектами гендерной теории.

## 4. ГЕНДЕР КАК ПОНЯТИЕ И ИНАКОВОСТЬ

Для анализа текстов Улицкой необходимыми представляется также понятие «гендер», так как нас будет специально интересовать, женская идентичность, строящаяся как "иная" в выбранных произведениях Улицкой.

### 4.1. Теория гендера

Само понятие "гендер" является предметом специального и углубленного осмысления. Термин ввел в науку американский психоаналитик Роберт Столлер в 1968 году. Он понимал "гендер" как социальные проявления принадлежности к полу или "социальный пол", пишет Галина Пушкарь (2007:9) в своей диссертации *Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект*.

Н. И. Абубикирова замечает в статье "Что такое "гендер"?" (1996 www), что у слова есть несколько значений в разных словарях. Например, англо-русский словарь В. Мюллера даёт слову *gender* два значения: 1) грамматический род, 2) пол как шутливое обозначение. В словаре Ожегова, по словам Абубиковой, категория *род* имеет значения грамматического класса слов и разновидности чего-либо или направления деятельности, также и обозначения ряда поколений.

[...] принятое в русском языке слово "пол" не является эквивалентом "гендера". Пол — это физиологическая категория. Гендер же — это категория социальная, категория конструируемая, это своего рода надстройка над полом. (Пушкарь 2007:11.)

Гендер приписывает объекту или индивидууму позицию внутри класса, а также и позицию относительно других, уже составленных классов, -- пишет Абубикирова (1996 www). То есть, гендер -- это представление каждой индивидуальности в терминах специфических социальных отношений, а не биологический пол.

Гендер рассматривается как целый комплекс понятий (Абубикирова 1996 www). Особенностью его является то, что понятие не имеет окончательного и однозначного определения.

Сложность заключается в том, что здесь прослеживается взаимосвязь действия и мышления, которые не могут быть разъединены. Мы имеем дело с динамизмом, окончательно не определенным, ибо само определение есть действие, влекущее серьезные последствия. [...] Гендер (как раса и

класс) - это стратегия-концепт. Он отражает, формирует, предлагает и требует действия. Гендерная система оказывает на людей очень глубокое воздействие. (Абубикирова 1996 www.)

Понятие гендера является аналитическим инструментом, помогающим понять социальные процессы, а именно отношения между мужчинами и женщинами и принципы их социального конструирования. (Шведова 1995 www)

## **4.2. Разные трактовки понятия «гендер»**

Понятие "гендер", по словам Костиковой (2005:8), вызывает множество споров и по-разному трактуется. Первое определение гендера возникло в середине 1970-х в связи с феминистским анализом общества того времени и критикой дискриминации положения женщины. Гендер определялся, на пример Гейл Рубин в её статье "Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола" (1975), как комплекс соглашений, регулирующих биологический пол как предмет общественной деятельности.

С точки зрения традиционной теории пола, при определении понятия гендер, речь идёт прежде всего о биологических различиях. Эта точка зрения поддерживает мысль о превосходстве мужчины над женщиной, и женщина вообще не рассматривается как "политическое животное". Позднее эта точка зрения "развилась" в понятие о так называемой "природности" женщины и биологического характера её деятельности. (Костикова 2005:12)

В XX в. появилось два новых подхода к проблеме пола: эссенциалистский и конструктивистский, -- пишет Костикова (2005:12). Первый, "задаётся вопросом о природе объективной реальности, противопоставляя дух и материю, субъективное и объективное, внутреннее и внешнее, мужское и женское и т.д." Этот подход рассматривает маскулинность как производную от биологической разницы между мужчиной и женщиной или как природную категорию и поэтому определяет маскулинность и женственность как совокупность физических качеств, моральных норм и поведенческих особенностей, присущих мужчине от рождения. Эссенциалисты считают что маскулинность и феминность - это то, чем мужчина или женщина является и что, составляет его/ее природную сущность. (Костикова 2005:12.) Второй подход "переводит вопрос в план языкового выражения субъектных представлений".



(там же) Социально-конструктивистский подход определяет маскулинность/феминность в терминологии гендерных ожиданий. То есть, маскулинность/феминность -- это то, чем мужчина/женщина должен/на быть и что от него/нее ожидается. Согласно данному подходу, маскулинность и феминность строится как обществом, так и каждым человеком мужского /женского пола.

### 4.3. Гендер и инаковость

Французская феминистка и философ Симона де Бовуар называет женщину вторым полом в своей публицистической книге-эссе *Второй пол*, которая посвящена женским проблемам. Бовуар считает что женщина всегда будет "другой" из-за своего тела по сравнению с мужчиной, который представляет идеал человечности (Beauvoir 1981). Бовуар утверждает, в том числе, то что женщина - пленник в своём же биологическом теле; особенно материнство служит препятствием освобождения её тела. Взгляды Бовуар насчёт материнства не обязательно рассматриваются как возвращение мыслей о приоритете биологии. Напротив, слова Бовуар о материнстве можно интерпретировать как культурную практику, а не биологическое обязательство.

В сочетании с такими социально-демографическими факторами, как раса, национальность, класс, возраст, -- гендер является одним из способов социальной стратификации общества, --пишет Пушкарь в своей диссертации (2007:13-14). Полярность и противопоставление являются сущностью конструирования гендера. Гендерная система отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, которые адресуются к людям в зависимости от их пола.

Гендерные установки отражают так называемую "стратегию системы пол-гендер и указывают, кем мы должны быть, женщиной или мужчиной, девочкой или мальчиком", пишет Абубикирова (1996 www). После своего рождения человек женского или мужского пола попадает в сложившуюся систему отношений, где мужчинам отведена активная роль, а женщинам пассивная. При этом значимость активного всегда выше пассивного в соответствии с иерархией отношений. В каждой культуре значение гендера меняются и гендерная система взаимосвязана с политическими и экономическими факторами. В одном обществе некоторое занятие считается типично мужским, а в другом обществе тоже занятие может определяться как женское. Поэтому

Пушкарь (2007: 13-14) делает вывод, что биологический пол не может быть объяснением различий социальных ролей, существующих в разных обществах.

В Советском Союзе существовал патерналистский взгляд на советскую гендерную политику, -- пишет Парнелл (2004:5), официально базировавшуюся на принципе равенства. С одной стороны, советская политика включала женщину в процесс производства, в общественный порядок, а с другой стороны, она выталкивала женщину на периферию общества с помощью предписывания патриархальных женских образов.

В русской литературе только начался процесс самоопределения половой идентичности. Русских писательниц западная критика постоянно упрекает в том, что они стремятся реконструировать консервативно-патриархальный образ женской идентичности, что, на взгляд Кристины Парнелл (2004:71,86), свидетельствует о недалёковидности. Парнелл так же замечает, что мужская идентичность нуждается в другой, женской, чтобы дифференцировать себя как отличную от неё.

Гендерный анализ применяется во многих сферах: социально-экономической и экологической, трудовой, в развитии человеческих ресурсов, обучении, и таких как разделение труда, принятие решений на различных уровнях, продуктивная и репродуктивная деятельность, доступ и контроль над ресурсами и благами, -- пишет Пушкарь в названной работе. Гендерный анализ также интересуется тем, как те или иные действия, решения или планы воздействуют на гендерные отношения. Поэтому он должен применяться на всех этапах процесса развития. Под понятием гендерный анализ имеется в виду, например, анализ феноменов власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения. Также исследуются различия в ролях и статусах мужчин и женщин в аспектах жизни. Материалом для такого типа исследований может быть и художественная литература.

## 5. ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ - ОДИН ИЗ САМЫХ УСПЕШНЫХ АВТОРОВ

Людмилу Улицкую по праву считают одним из успешных авторов. Хотя изначально, ее проза благодаря своему камерному звучанию, глубине и интеллектуальной сложности была предназначена узкому кругу «своих» читателей, но постепенно завоевала все более и более широкие круги читателей и обрела очень широкую аудиторию. И на сегодняшний день Людмила Улицкая это один из самых успешных и «модных» авторов. Прозу Улицкой любят читать все: феминистки — за идеи и мысли, домохозяйки — за легкий слог и сюжет. Писательница сама замечает:

Я никогда не делала и не делаю внутреннего маркетинга - кто купит, в какой сезон года и насколько то, что я пишу, соответствует актуальным проблемам сегодняшнего дня. Мой идеальный во всех смыслах читатель - это мои друзья. Внутренне я разговариваю именно с ними. Для меня было большой радостью обнаружить в какой-то момент, что меня читают те люди, на которых я совершенно не рассчитывала. Мне очень льстит, что среди моих читателей не только люди моего поколения, но и молодые. И читателя, таким образом, я не ищу, он сам находится. В метро я редко вижу в руках у людей свои книги. Зато мои книги часто берут в отпуск люди, которые не имеют возможности читать в обычном режиме жизни. Как ни странно, в больницах, навещая своих друзей, я довольно часто встречаю свои книги в руках у людей. Мои любимые читатели - библиотечные работники и преподаватели. В конце концов, это ведь процесс взаимный: писатель ждет читателя, а читатель ищет своего писателя. (Мартыненко.2008. www)

Большинство произведений писательницы о советской эпохе. Улицкая постоянно возвращается в то время, в котором прошла ее молодость и молодость поколения большинства ее читателей. Она вместе с ними вновь и вновь возвращается в ушедшую эпоху, словно ищет ответы на вопросы, на которые ответов нет, и где, по ее мнению, «завязано много узлов и узелков, по сей день не развязанных» (там же). Людмила Улицкая сама отмечает:

Признаться, в современности я нахожу для себя меньше сюжетов. Наверное, я приближаюсь к возрасту, когда вспоминают о колбасе, которая в детстве была вкуснее[...] (Юзефович.2011. www )

И несмотря на то, что она пишет о вещах чуждых, на первый взгляд, для западного читателя, потому что они глубинно российские, советские, она одна из немногих российских писателей, кто так необычайно популярен в Европе, особенно во Франции и Германии.

Несомненным показателем популярности произведений Людмилы Евгеньевны является то, что в течение всего нескольких лет количество языков, на которые были переведены ее книги, увеличилось с семнадцати до тридцати четырех. В ее прозе, называемой многими критиками «прозой нюансов», особое внимание уделено деталям быта и тончайшим проявлениям человеческой природы. Все это создает особое мироощущение, близкое очень многим простым жителям нашей планеты. И, как полагает сама Улицкая, секрет ее международной популярности в том, что

Вероятно, есть какой-то общий знаменатель, который объединяет людей помимо их национальной и культурной принадлежности. Общая человеческая природа, и именно она мне всегда интересна. (Юзефович.2011. www)

Хотя Улицкая — весьма современный писатель, Людмила Евгеньевна является прямым наследником русской классической традиции, как по форме, так и по содержанию, отличающему ее произведения: милость к «малым сим», гуманизм и внимание к тектоническим сдвигам, происходящим в обществе.

Те, кому нечего терять, - нищие и инвалиды - не боятся советской власти, потому что все уже потеряли. Это особое мужество отверженных. И я их не ищу - ими полна наша жизнь. (Роткирх 2009:121)

Меня всегда интересовал частный человек, способности его выживания в социуме, а к политике я всегда относилась как к неизбежному злу. (Роткирх 2009:116-117)

Мне власть сегодняшняя не нравится. И вчерашняя, и позавчерашняя. (Бавильский.2009. www)

Именно такая четкая и открытая гражданская позиция писательницы вызвала, на мой взгляд, сочувствие со стороны простых людей, интерес прессы и поддержку разных общественных организаций. И многие читатели Улицкой во многих странах, я не сомневаюсь, совершенно разделяют ее политические взгляды.

Я давно уже знаю, что существует очень глубокий конфликт между частным человеком и государством. И он существует всегда, даже при самом пристойном государстве. Но в условиях тоталитаризма он с уровня экзистенциального опускается на человекоубийственный. (Роткирх 2009:118)

## 5.1 О писательнице и ее творчестве

Людмила Улицкая родилась в 1943 году в городе Давлеканово Башкирской АССР, где находилась в эвакуации ее семья. После войны Улицкие вернулись в Москву, где Людмила закончила школу. Дочь двух ученых, она выросла с врожденным недоверием к власти после того, как оба ее деда были заключены в тюрьму при сталинском режиме.

Да, оба деда сидели. Советской власти цену знали. Старшее поколение молчало, мало что нам рассказывали, но отношение просачивалось, и это были страх и отвращение. Чувства, которые владели многими. (Роткирх 2009:118)

Людмила Евгеньевна два года проработала в Институте общей генетики АН СССР, откуда ее уволили за перепечатку самиздата в семидесятом году.

Сама бы я никогда не приняла решения бросить науку — меня просто с работы выгнали. Произошло это в 1970 году, когда я работала в Институте общей генетики: лабораторию нашу закрыли и всех сотрудников разогнали. А так бы я, скорее всего, и по сей день занималась генетикой. Закрыли нас из-за самиздата, который мы читали и немного перепечатывали. Спасибо, что не посадили. Была и такая статья в Уголовном кодексе — до пяти лет. Должность моя называлась стажер-исследователь, работа продолжалась два года. Я сдала кандидатские экзамены, опубликовала две или три статьи по генетике популяций. И тут все и накрылось. ( Сазонов.2011.www )

С тех пор Улицкая по ее собственному утверждению никогда не ходила на государственную службу. Судьба ее переменилась и она не работала девять лет. Вышла замуж, похоронила мать, родила и растила двух детей, развелась с мужем. Потом три года работала завлитом Камерного еврейского музыкального театра, писала очерки, детские пьесы, инсценировки для радио, детского и кукольного театров, рецензировала пьесы и переводила стихи с монгольского языка.

В 80-х годах Людмила Евгеньевна начала писать пьесы и уже в конце восьмидесятых печатать рассказы. Ее первая книжка вышла во Франции и только через несколько месяцев в России. Это был сборник «Бедные родственники». Известность пришла позже, после издания повести «Сонечка», получившей французскую литературную премию «Медичи» - за лучший иностранный роман года. После этого карьерный рост писательницы произошел за 10 лет.

По сценарию Улицкой на рубеже 1980-х и 1990-х годов вышли два фильма, снятые по созданным Улицкой сценариям, - "Сестрички Либерти" Владимира Грамматикова и "Женщина для всех" Анатолия Матешко.

Улицкая рано начала писать стихи, но опубликовать их отдельным сборником так и не решилась. Одни из лучших поэтических строк вложила в уста главной героини своего романа «Медея и ее дети», который был опубликован в «Новом мире» в 1996 году и вывел ее в число финалистов Букеровской премии 1997 года, а также получил итальянскую премию Джузеппе Адсерби. Далее, роман "Казус Кукоцкого" удостоен литературной премии "Русский букер" в 2001 году. Во всех этих произведениях – удивительные женские образы и именно они дали повод для высокой оценки личности и творчества Людмилы Улицкой.

Национальную премию «Большая книга» Людмила Евгеньевна получила за роман «Даниэль Штайн, переводчик» и итальянскую премию «Грицане Кавур» за роман «Искренне ваш, Шурик». Каждая ее книга становится событием, порой совершенно неожиданно для самого автора: Улицкая была почти уверена в провале своего последнего произведения «Даниэль Штайн, переводчик», и уж никак не ожидала, что книга не просто получит признание критиков, но и будет иметь потрясающий успех у читателей. Однако именно этот роман, главный герой которого «списан» с реально жившего и скончавшегося в 1998 году Даниэля Освальда Руфайзена, называли «колоссальным проектом», «литературой самого высокого полета».

Улицкая сложная писательница, многоуровневая: в ее произведениях история одной школьной дружбы - и история всей страны в самое непростое время. Честность среди бесчестия, человеческое в эпоху тотальной бесчеловечности, мужество в повседневности, роль случая в обычной жизни. Она пишет о понемногу обо всем, из чего собственно и складывается обычная человеческая жизнь

## 5.2. О проекте детских книг, воспитывающих толерантность

В последнее время Улицкая активно принимает участие в ряде общественно-культурных проектов. Один из них особенно важен в свете нашей темы. Речь идет об участии Л. Улицкой в социальном проекте для детей.

Это целая серия книжек для детей 12-14 лет по культурной антропологии, охватывающая все области человеческой жизни, авторы которых – ученые, писатели, искусствоведы – рассказывают о разных сферах человеческой жизни в разных культурах. Общее запланированное количество книг: 16. Это книги о происхождении мира, семье, одежде, еде, духе Дома, антропологии, правах человека, преступлении и наказании, толерантности и агрессии. Цель проекта благая и актуальная – рассказать детям о «чужаках» так, чтобы они поняли: да, мы разные, но любая культура заслуживает уважения, любой человек имеет право жить по законам своего народа, пусть они и кажутся другому странными, нелепыми, неприятными. Собственно, это воспитание терпимости с детства, своего рода учебник толерантности. По словам Людмилы Евгеньевны, в нашем жестком, сложном, агрессивном мире снять вспышки расового раздражения, ненависти, гнева могут только образование, информация, культура – научиться толерантности по-другому нельзя и такой проект необходим.

[...] сегодня Россия стала расистской страной, где ненавидят негров, азиатов, кавказцев, не говоря уж о евреях. Это – приговор себе. (Роткирх 2009: 122)

Писательница Людмила Улицкая считает, что в том обществе, где людям с детства прививают культуру терпимости и уважения к чужим ценностям, меньше жестокости, ненависти и насилия.

Идея проекта «Другой. Другие. О других.» принадлежит лично Улицкой.

Проект — плод моих личных амбиций. Однажды, лет уже восемь тому назад, меня пригласили на первое заседание европейского международного культурного парламента в город Брюгге. Там собрались неангажированные европейские художники всякого рода — поговорить о том, что можно сделать своими силами для поддержания культуры, которая хиреет на глазах повсеместно. И я предложила сделать такой проект своими силами — там были писатели, художники, театроведы, историки. То есть такой народ, который вполне был способен создать европейскую книжную серию для детей по предмету «культурная

антропология». Так я застенчиво обхожу слово «толерантность», которое у всех в зубах навязло вместе с «политкорректностью». В общем, речь идет о том, что чем больше человек (и взрослый, и ребенок) знает о культуре других людей, с которыми соприкасается в современном многонациональном городе, тем больше шансов, что он не пойдет громить своих соседей.

Все меня поддержали, но никто ничего не написал. Прошел год, другой, и я решила, что никто не мешает мне сделать этот проект для одной отдельно взятой полуевропейской страны, своей родной. Для России. Сначала я хотела все книги писать сама, потом сообразила, что есть специалисты, которые это сделают лучше меня. Деньги для начала дал Институт толерантности при Библиотеке иностранной литературы имени Рудомино. По теперешним понятиям очень небольшие. Правда, люди, писавшие книги в проект, и не собирались извлекать из этой работы больших доходов. Как и я, они понимали, что наши дети очень нуждаются в книгах такого рода. (Юзефович.2008. www)

Невозможно недооценить актуальность и гуманистическую значимость детского проекта, инициатором и творческим куратором которого стала писательница, проекта важного для воспитания у детей и подростков толерантности, взаимного уважения традиций, обычаев и культуры разных народов.

Мы не можем заставить людей любить друг друга, но их поведение, поступки, эмоциональные реакции должны регулироваться с помощью знаний о других народах. У нас огромный круг тем, о которых мы бы хотели поговорить не для того, чтобы указывать на конфликты, а для того, чтобы помогать их разрешению. Это проект по культурной антропологии. Человек – в основе всех вещей.(Карпенкина 2011.www )

Проект «Другой. Другие. О других» ясно демонстрирует насколько важна для Улицкой проблема инаковости. Мы можем ясно видеть эту тему и в ее рассказах. Ниже мы попытаемся проанализировать функции и формы инаковости в трех рассказах Л. Улицкой *Дочь Бухары*, *Цю-юрихъ*, *Второго марта того же года*, вошедших в сборник «*Рассказы*» (2007).



## 6 ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ИНАКОВОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

### 6.1 Умножение различий и этническая инаковость в рассказе «Дочь Бухары»

Первым для анализа темы инаковости в творчестве Людмилы Улицкой был выбран рассказ «Дочь Бухары», потому, что на наш взгляд, в нем тема «инаковости» очень важна и она развивается через «умножение различий», что и будет предметом нашего анализа. В рассказе все время повляются новые и новые разделения на «своих» и «иных», происходит постоянное переопределение «нормального» и «иноного». Сначала это разделение на «обычных» советских людей и интеллектуальную элиту, связанную с дореволюционной традицией (они «иные» для слободских), потом появляется Бухара-«иная» для всех русских как человек Востока, затем инаковость Бухары усилена рождением больной дочери и наконец, появляется еще один уровень инаковости вместе с Гришей, который даун и еврей.

То есть, речь пойдет в терминах, употребляемых Е. Добросклонской, об исследовании концепции других на уровне *идентификации*, или коммуникативного самоопределения, которое свидетельствует о том, что выделение категории *они, иные* может происходить на основе самого широкого набора критериев: от социальных и демографических до идеологических, этнических, культурных, гендерных и т.д. При этом, сам процесс идентификации может осуществляться как в прямой, открытой, так и в опосредованной, имплицитной формах. (Добросклонская 2005:25)

#### 6.1.1 Фабула рассказа «Дочь Бухары»

Совокупность связанных между собою событий, о которых сообщается в рассказе, такова: действие рассказа происходит в послевоенной Москве, где проживает семья пожилого доктора, к которому возвращается внук (тоже доктор) с молодой невесткой. Доктор, воспитывавший внука с годовалого возраста после смерти сына, живет с прислугой в отдельном флигеле, куда и вселяется с молодой женой его внук, работавший в Средней Азии и познакомившийся там с «дочерью Востока», присланной на работу в госпиталь вместо демобилизовавшихся сестер. В отличие от старого

доктора, уроженку Средней Азии, соседи и даже его прислуга приняли недружелюбно, прозвав Бухарой. Аля же (настоящее имя невестки доктора) приняла свою жизнь с восточной покорностью. Даже после рождения больного ребенка (девочка родилась с болезнью Дауна) и уходом мужа к его сослуживице, воспитывала девочку в любви и попыталась устроить ее жизнь, несмотря на свою смертельную болезнь. После совершеннолетия дочери она подобрала ей в мужья больного аналогичной болезнью еврейского мужчину, чем обеспечила ее счастливое существование даже после своей смерти.

Такова фактическая сторона повествования, события и действия в их хронологической последовательности, которые составляют фабулу этого произведения. Но благодаря таланту автора, в рассказе « Дочь Бухары» разворачивается не просто сюжетная линия, но история жизни, смерти и любви тихой и необыкновенно сильной дочери Востока. Одним из лейтмотивов рассказа является проходящая через все повествование от самых первых строк до конца тема инаковости, которая тесно связана с психоаналитическими теориями, в которых «иное» всегда связано со смертью, женственностью и инстинктами» (Ratilainen 2005:20). Это тема, которая была табуирована в Советском Союзе с 1930-годов, очень сильно обнаруживается в произведениях современных авторов, и Людмила Улицкая является здесь ярким представителем.

Как видно уже из пересказа фабулы особенность этого текста в том, что здесь выстраивается многоступенчатая система идентификаций, сложная система «инаковостей» через умножение различий.

### 6.1.2 Интеллектуальная элита как «иные»

С первых строк рассказа читатель попадает в слободскую, барачную советскую Москву, оказывается

В архаической и слободской московской жизни, ячеистой, закоулочной, с центрами притяжения возле обледенелых колонок и дровяных складов [...] (Улицкая 2007: 58)<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> В дальнейшем все цитаты из книги «Рассказы» по данному изданию с указанием страницы в тексте работы

Эту «полудеревенскую» Москву населяют люди «обычные», малообразованные, плохо обеспеченные: там много «[...]барачных переселенцев, люмпена, людей не от города и не от деревни[...]» (59). «Соседям по двору, которые «полуголодные и нищие» (60), противопоставляется семья доктора, живущая отдельно, чья отделенность и обособленность подчеркивается тем, что они живут за изгородью.

В глубине огромного и запутанного [...] двора, прилепившись к брандмауэру соседнего доходного дома, стоял приличный флигель дореволюционной постройки с намеком на архитектурный замысел и отгороженный условно существующей сквозной изгородью.(58)

Хотя эта изгородь «сквозная» и «условно существующая» -- за ней иной мир и другие по сравнению со «слободскими» людьми. Важно подчеркнуть, что в приведенном описании даже слова, использованные автором, относятся к дореволюционному времени: *флигель, брандмауэр, доходный дом*. Они очень хорошо передают характер эпохи.

И все это словно указывает на временной порядок, который был заведен несколькими поколениями, на преемственность профессии врача, благодаря которой даже в советской Москве, семье было дано «...аристократическое право жить втроем в трех комнатах, обедать не в кухне, а в столовой и работать в кабинете» (60)

Это была даже не семейная традиция, скорее, семейная одержимость. Отец Андрея Иннокентьевича был военным фельдшером, дед – полковым врачом.

Единственный сын, молодой врач, умер от сыпного тифа, заразившись в тифозном бараке и оставив после себя годовалого ребенка, которого дед и воспитал. (60)

Семья доктора имела и прислугу

Пашу, старую больничную няньку, которая уже чуть не двадцать лет вела незамысловатое докторово хозяйство(61)

Этим также автор противопоставляет семью доктора остальным жителям по ту сторону изгороди.

Появившаяся в семье Бухара, с одной стороны, такая же «иная» по сравнению со «слободскими», как и семья доктора. Семья доктора, представленная как иные

(дореволюционный, аристократичный порядок, наследование профессии и передача ее сыну), отдельный дом, прислуга, и т.п., -- во многом схожа с семьей Бухары, отец которой также был врачом и тоже описывается с помощью эпитетов, которые намекают на его принадлежность к другому времени, порядку, на его принадлежность к интеллектуальной элите

*Доктор напоминал ей отца, узбекского ученого старого толка... Ему все не могли определить правильного места в новом пантеоне советских узбекских деятелей, выбирая между образом востоковеда-полиглота, исследователя и знатока фольклора и широко образованного в восточной медицине врача.*(62) (Курсив здесь и далее-мой.Е.П.)

Сам он в конце жизни всему предпочитал богословие и писал до последних дней трактат об исре, ночном путешествии Мохаммеда в Небесный Иерусалим, что тоже было серьезным препятствием к официальному посмертному признанию. Однако назвали окраинную улицу столицы в его честь, хотя через несколько лет и переназвали... Был он *настолько свободомыслящим человеком*, что дал образование не только своим многочисленным сыновьям, но и дочерям. Младшая доучиться не успела при жизни отца, ей досталось всего лишь медицинское училище[...] (61-62)

Таким образом, не все так однозначно противопоставляется в рассказе, и тема инаковости все-таки только выделяет глубинные темы общего для всех, и подчеркивает позицию автора, Людмилы Улицкой, проповедующей толерантность и мысль о том, что именно образованные люди с глубинным пониманием основ мироздания способны к ней.

*Доктор, в молодые годы подолгу живший в Средней Азии, многое понимал в особенном устройстве Востока.*(62)

Но с появлением главной героини, иной, этнически другой и соседям и семье доктора появляется новый слой инаковости.

### 6.1.3 Этническая инаковость Бухары

В рассказе ясно показаны этнические проблемы, и хотя во время Советской власти в СССР неустанно подчеркивалась многонациональность и интернационализм, дружба народов, в реальной жизни этническая разнородность и нетолерантность была очень сильна, о чем мы уже писали в третьем разделе.

В этом смысле Бухара изображается как *другая* не только по отношению к «обыкновенным» людям за изгородью, но и по отношению к семье доктора.

Ее инаковость (негативно оцениваемая) очень подчеркнута в номинациях, то есть, по Добросклонской, в наименовании тех объектов и явлений, которые оказываются соотнесёнными с категорией "они". (Добросклонская 2005:27). В рассказе это происходит

-через отсутствие имени

Бухара – так прозвал двор анонимную красавицу.(59)

- через мнение окружающих о ней

– Да смотреть-то обидно. Женился на головешке азиатской... Одно слово – Бухара!(61)

Ну, Бухара, ведьма азиатская!(70)

И, наконец,

- через авторскую оценку, благодаря которой возникает практически волшебное цветовое ощущение восточной красавицы, наполненное желтым солнечным светом, то есть ее восточная, этническая «другость» изображается с позитивными коннотациями.

[...]очень молодая женщина невиданной восточной красоты с блестящими, несметной силы волосами, своей тяжестью запрокидывающими назад ее маленькую голову. (59)

[...] красавица с туманно-черными глазами(59)

[...]шафрановые мускусные руки[...] (64), [...] тонкие пальцы[...] (61)

[...] хрупкую [...] в розовых и лиловых шелковых платьях, [...]. подростковую узость таза, общую subtilность сложения.(60)

И здесь ясно видно, что принцип контраста является особенностью художественной манеры Людмилы Улицкой. Он находит выражение в цветовом противопоставлении, начиная с описания мужа Бухары, внука старого доктора, когда появляется белый цвет для ощущения этнической инаковости

[...]. майор медицинской службы, такой правильный, белозубый, русо-русский, как будто только что с плаката спрыгнувший загорелый воин-освободитель.(58)

Затем и в описании самого доктора также присутствует белый цвет

[...] хромая, спешил старый доктор Андрей Иннокентьевич. Ветер поднимал белые пряди волос, старик хмурился, улыбался, скорее догадывался, чем узнавал [...] (59)

А затем восточной красавице старый доктор противопоставляет в воспоминаниях

[...]свою давно ушедшую Танюшу какой та была в восемнадцать лет – мужского роста, плечистую, с самоварным румянцем и крутой лохматящейся косой.(60)

И эта русскость («белость», русость, плотность, крупность) сближает всех этих персонажей и семью доктора с соседями за забором, включая и новую женщину мужа Бухары

Операционная сестра Тамара Степановна, грузная и грубая, с умными и надежными руками.. Крупнопористая, круто завитая и толстоногая [...] ломовая фронтовичка [...] интуицией многоопытного женского зверя [...] немолодой и некрасивой женщиной [...] (66)

Инаковость Бухары по отношению к «слободским» и к семье доктора выделена как этническая инаковость, но Л. Улицкая подчеркивает, что есть вещи общечеловеческие, и любовь как основа мироздания в разных своих проявлениях, представлена в рассказе объединяющим началом: любовь мужчины к женщине, любовь матери к ребенку, любовь к слабым, больным. И именно она позволяет жить Дмитрию и Бухаре вместе, но за забором. Божественным светом представлена Людмилой Улицкой их любовь

Свет [...] был каким-то чрезмерным, неземным и стоял столбом – как это бывает с сильным ливнем – над майором и его женщиной.(59)

мучительно вспоминал о самых счастливых минутах его жизни, о первых днях внезапно постигшей его любви к девственной красавице, истинному чуду военного времени, присланному в госпиталь вместо демобилизованных медсестер прямо из джайны – мусульманского рая.(64)

Обнимая своего первого и единственного в жизни мужчину шафрановыми, мускусными руками, она шептала ему в ухо: «Имя Дмитрий было написано у меня на груди» – и произносила слова на чуждом восточном языке, которые были словами не ласки, но молитвы [...] (64)

[...]волшебство близости с этой прелестной и покорной восточной красавицей.[...] (66)

[...] желания обнимать это женское совершенство [...] (66)

Но этой любви противостоит инаковость «московской слободки» и этническая инаковость семьи доктора. Бухара представлена как экзотическая, восточная, и ее «желтость» по отношению к «белой» русскости усиливается рождением больного ребенка, что усиливает инаковость, контраст и разрушает гармонию любви.

#### 6.1.4 Дочь Бухары и ее инаковость

Как мы уже писали в главе об этнической инаковости, в СССР, несмотря на политику поощрения этничности, все-таки «нерусскость» не стала престижной, а в случае дочери Бухары, Милы, этническая инаковость усиливается еще и психической неполноценностью, которая всеми оценивается как явная ненормальность, дефект, дурная инаковость.

Мила желтая и дефектная, живущая в изоляции и уже своим рождением противопоставленная остальному «нормальному» миру, что можно видеть в определениях и эпитетах нижеприведенных отрывков, которые отражают точку зрения всех «нормальных» (то есть, «белых» и здоровых), то есть, концепция другости опять проявляется в системе номинаций.

Девочка была вялая, отечная, с сильно развитым эпикантом, кожной складкой века, характерной для монгольской расы.(63)

[...] существование этого порченого от самого своего зачатия существа [...] (65)

[...] крохотной желтолицей и желтоволосой девочки [...] (63)

[...] отсутствие хватательного рефлекса.(63)

[...] к полугоду [...] было совершенно ясно, что ребенок неполноценный.(63)

[...] классический синдром Дауна(63)

[...] ребенок безнадежен[...] (64)

[...] слюна [...] заливала ее подбородок [...] (69)

[...] жидкие желтые волосы [...] (65)

[...] плоской бессмысленно-жизнерадостной мордочкой с маленьким раздавленным носом и всегда приоткрытым мокрым ртом.(65)

Кажется, что такое существо обречено на несчастье и даже смерть. Но смертельно больная мать, Бухара, находит парадоксальный способ сделать девочку счастливой – не через снятие инаковости, а через ее дальнейшее умножение.

### 6.1.5 Гриша – «иное счастье»

Бухара находит для своей дочки пару – такого же иного, как она «большеголового Григория «с поросшей пухом лысиной [...] в уродливых круглых очках [...]» (77), который «с увлечением ел, вытирая руки то о носовой платок, то о салфетку, то о край скатерти» (76).

Гриша – тоже даун, очень больной (биологически «ненормальный» с точки зрения «здоровых» людей) и кроме того еврей – то есть, этнически абсолютно «иной», потому что именно антисемитизм был самым сильным проявлением этнической нетолерантности в России и СССР. Грише было

...лет тридцать или около того, но [...] больные люди живут и стареют как-то иначе, чем обычные, и с их возрастом можно легко ошибиться: в детстве они часто кажутся младше, но потом быстро стареют.(73)

Бухара «долго изучала пухлую карточку Григория Бермана... фигурировала и врожденная гидроцефалия, и менингит, и поражение молнией в семилетнем возрасте – как будто провидение искало гарантий, чтоб этот человек был изувечен наверняка [...]» (73)

Но Бухара видит в Грише не только те «ненормальности», которые обнаруживает взгляд «нормальных людей», она видит, что этот «лысый, добродушный и толстый», «молодой человек обладал сниженным интеллектом, спокойным хорошим нравом и не был подвержен припадкам» (73)

Из этого умножения инаковостей создается идиллия и эти втройне, вчетверне иные счастливы.» вопреки жадному любопытству» «нехорошему интересу» соседей, окружающих и прохожих .



Когда они шли по улице, взявшись за руки, маленькая Милочка на каблуках в девичьем розовом платье Бухары и ее муж, большеголовый Григорий с поросшей пухом лысиной, оба в уродливых круглых очках, выданных им бесплатно, – не было человека, который не оглянулся бы им вслед. Мальчишки кричали в спину какие-то дворовые непристойности. [...] они были так заняты друг другом, что совсем не замечали чужого нехорошего интереса.(77)

Брак их был прекрасным. Но в нем была тайна, им самим неведомая: с точки зрения здоровых и нормальных людей, был их брак ненастоящим.(78)

Таким образом мы можем сделать вывод, что в рассказе «Бухара» проблема инаковости – одна из центральных и представлена путем многоступенчатого усложнения идентификаций, «умножения различий» -- здесь речь идет о социальной, «телесно-психической», этнической, гендерной инаковости. Однако, Улицкая показывает, что инаковость не всегда ведет к отвержению и катастрофе, что возможна толерантность и гармония, несмотря на инаковость или «внутри» нее. В другом рассказе «Второе марта того же года...» тема инаковости у Улицкой представлена по-другому.

## **6.2 Обманчивость «единства» в рассказе «Второе марта того же года...»**

Если в рассказе «Бухара» проблема инаковости решается через умножение различий, создающее новую гармонию, то в другом рассказе Улицкой «Второе марта того же года...» инаковость изображена через контрасты, конфликты, связанные с этнической и гендерной инаковостью, которые разрушают иллюзию декларируемого единства («единого советского» народа), показывающие обманчивость, ложность этого единства.

### **6.2.1 Фабула рассказа «Второе марта того же года...»**

Характерная особенность этого рассказа, которая в первую очередь и определяет его главную проблему и специфику его сюжета, состоит в том, что вымышленные автором события повествования привязаны к конкретному историческому событию, а именно к

смерти Сталина, которая была официально объявлена пятого марта 1953 года. События рассказа происходят второго марта *того же года* в интернационалистической стране, где советский народ строит социалистическое общество и постоянно декларируется идея единства и дружбы народов. В новелле рассказана история двух подростков и их семей. Главные герои: интеллигентная еврейская семья созревающей двенадцатилетней Лили Жижморской, ее умирающий от рака прадед Аарон, читающий ей Библию, его сын Сурик (Александр Аронович) и его жена Белочка (Бела Зиновьевна) -- врачи, воспитывающие внуку, ее родители живущие за Полярным кругом, состоящие на государственной службе, -- с одной стороны. С другой стороны, -- это семья постоянно задирающего Лилю ее одноклассника Бодрика (Витьки Бодрова): его мать Тонька-дворничиха, сестры Нинка и Нюшка и его отец (старший Бодров), временно вышедший из заключения, Кроме того важными персонажами являются учительница Антонина Владимировна (голос власти, «правильной идеологии»), школьная подруга Лили - Нинка Князева, татарка Рая Ахметова. И все они - единый советский народ, направляемый Великим Кормчим. В центре действия -- нарастающий конфликт подростков, испытывающих неосознанное влечение друг к другу, который заканчивается дракой, лилечкиной первой менструацией и, наконец, агонией деда Аарона и смертью Сталина.

### 6.2.2 Этнические различия и конфликты в рассказе

Как мы видели, народ, который на уровне власти называется «единым советским», в рассказе Улицкой представлен людьми разной национальности, и эта этническая инаковость очень подчеркнута. Так тема еврейства и этнического различия вообще в рассказе начинается с образа старого Аарона, который

[...]медленно умирал на узкой ковровой кушетке, ласково глядя вокруг себя провалившимися желтовато-серыми глазами и не снимая филактерии с левой руки) [...] (193)

Используемое в самом начале рассказа слово «филактерия» уже указывает на этническую и религиозную принадлежность Аарона и его семьи. Филактерия -- это коробок с листом пергамента с написанными на нем десятью заповедями -- принадлежность, необходимая иудеям для совершения молитвы. Своей внучке Лилечке дед пересказывал Тору, и при этом ветхозаветные герои оказываются как бы

«родственниками», предками Лили, чтение Горы -- передача «наследства», этнической родовой памяти:

[...]старый Аарон рассказывал — то про Даниила, то про Гедеона. Про богатырей, красавиц, мудрецов и царей с мудреными именами, которые все были давно умершими родственниками, но впечатление у девочки оставалось такое, что прадед Аарон, по своей древности, некоторых знал и помнил. (194) .

Уходит старый отец [...] и на пороге смерти передает свое сомнительное богатство младшему колену, девочке на пороге девичества. (195) .

Вообще, я тебе скажу, Израиль жив не победой, Израиль жив ...— Он приложил левую руку в филактериях ко лбу и поднял пальцы вверх: — Ты понимаешь?

— Богом? — спросила девочка.

— Я же говорю, ты умница, — улыбнулся совершенно беззубым младенческим ртом дед Аарон. (197)

Два поколения еврейской семьи, которые стоят между Аароном и Лилей (ее бабушка с бабушкой и ее отсутствующие родители) -- как бы выпавшие звенья этой родовой цепочки. Они не хотят обсуждать тему веры и своей этнической принадлежности, но мы видим, что это во многом связано с проблемой социального выживания, а не только сознательного выбора веры.

Бабушка Бела Зиновьевна, профессор, специалист по кожным заболеваниям, и Александр Ааронович... всю свою жизнь предан двум дамам: Белочке и медицине.(194)

В этом состояла ее (бабушку Белы Зиновьевны, профессора, специалиста по кожным заболеваниям - Е.К.) религия, и богохульства лени она не допускала [...]Пережив большую войну, потеряв братьев, племянников, многочисленную родню, но сохранив друг друга, свою малую семью, всю полноту взаимного доверия, дружбы и нежности, добившись добротного и невызывающего успеха, они, казалось, могли бы еще полное десятилетие [...], жить так, как им всегда хотелось [...] (196)

И хотя ветхие сказки древнего народа казались ученым профессорам наивной и изношенной одеждой человеческой мысли, а собственное их мышление было выточено и дисциплинировано школой европейского позитивизма в Вене и в Цюрихе, приучено к ловкой научной игре, и поклонялись они лишь одному картонному богу — изворотливому факту и мужественно существовали в честном и прискорбном атеизме, оба они чувствовали, что здесь, на вытертой кушетке, рядом со снисходительно-неторопливой смертью процветал небывалый оазис. Здесь не было ни врачей-отравителей, ни мистического страха перед их злоумышлениями, охватившего миллионы людей. Дух этой действительной отравы — страха,

гнузости и чертовщины — отступал только здесь, и, удрученные, ежедневно готовые к аресту, высылке, к чему угодно, ученые профессора медлили уходить из столовой, общей комнаты, где болел старик, к своим обычным научным занятиям, а садились в кресла возле редчайшей тогда редкости, телевизора, впрочем невключенного, и вслушивались в старческое распевное воркование: речь шла о Мордехае и Амане. Они улыбались друг другу, тосковали и молчали о том безумии, в которое окунались каждый день за порогом своего дома. (195)

Но все-таки главным для бабушки и дедушки было сохранить с трудом созданное «равновесие» и уют. Они прекрасно знают, что никакого единства советского народа нет, что власть поощряет антисемитизм на государственном и бытовом уровне («врачи-отравители, «злоумышленники»), но они отказались от своей веры, они не хотят обсуждать еврейство, они соглашаются играть по правилам советской власти, чтобы сохранить уют и комфорт внутри их замкнутого семейного мира, и потому «когда они беспокоились о том, чем он забивает голову» внучке, беспокойство было только за то, что «она сболтнет что-нибудь в школе!» (198) А для них самих работа была их религией и « богохульства лени» они не допускали [...](195)

Но как только Лиличка выходит за пределы «домашнего оазиса» (195) проблемы этнической инаковости сразу же актуализируются. Она живет во внешнем мире атмосфере отчужденности: «с самой осени в классе с ней не разговаривали» (198). Именно ее еврейство делает ее изгоем, чужой для всех и она чувствует это очень остро.

Любой взрыв смеха, оживления, любой шепот — все казалось Лиле направленным против нее. Какое-то темное жужжание слышала она вокруг, это было жукастое черно-коричневое «ж», выползающее из слова «жидовка». И самым мучительным было то, что это темное, липкое и смолистое было связано с их фамилией, с дедом Аароном, его кожаными пахучими книгами, с медовым и коричневым восточным запахом и текучим золотым светом, который всегда окружал деда и занимал весь левый угол комнаты, где он лежал.

И к тому же — оба эти чувства непостижимым образом навсегда были сложены вместе: домашнее золотое свечение и уличное коричневое жужжание. (198)

И из этого враждебного окружения Лилечка стремилась домой.

Едва раздавался хриплый и долгожданный звонок-освободитель, Лиля [...] неслась [...] к раздевалке, чтобы скорее-скорее [...] выскочить на воздух и быстро, [...] еще через один двор — и в свой подъезд, где успокаивающе

пахнет сырой известкой, дальше [...] к высокой черной двери, где теплая медная пластинка с фамилией Жижморский, их ужасной, невозможной, постыдной фамилией (199)

То есть, свою этническую инаковость, свое еврейство Лиля ощущает внутри дома как «золотое свечение», а в школе -- как «ужас и стыд». Мир вне семьи разделен на «касты» по этническому и социальному признаку

У времени были свои навязчивые привычки: татары дружили с татарами, троечники с троечниками, дети врачей — с детьми врачей. Дети еврейских врачей — в особенности. Такой мелочной, такой смехотворной кастовости и Древняя Индия не знала. Лиля осталась без подруги: Таню Коган, соседку и одноклассницу, родители отправили в Ригу к родственникам еще до Нового года, и потому последние два месяца были для Лили совсем уж непереносимыми.(198)

Однако, несмотря на эту реальность, заявляется о существовании единого» советского народа, о котором много говорят и который представляют такие персонажи, как старая учительница Антонина Владимировна со « своим восточносибирским лицом» (200), Сталин- «Великий кормчий» и отец Лили – Александр, который был сотрудником НКВД, «избравшим добровольно такую область деятельности, куда нормального человека черт калачом не заманит» и у него был « давний и тяжелый конфликт» с родителями. (196)

Он занимал большую, но неопределенную должность, жил на северо-востоке, за Полярным кругом, вместе со своей медведеобразной женой Шурой и младшим сыном Александром, и была какая-то насмешка судьбы в том, что самые несоединимые в семье люди назывались одним именем (196)

Но этот «единый народ», о котором говорит Сталин, учительница и полностью отказавшийся от своего рода отец Лили, существует только в качестве идеологической иллюзии, только как «картинка на плакате», как это изображено в эпизоде, где отец Лили объявляет людям о смерти Сталина:

Но было еще только второе марта, и пройдет несколько огромных дней, прежде чем выйдет на деревянные подмости Лилечкин отец, сын приличных родителей, отекающий, с черным от горя сердцем и невинно-голубыми погонами, и объявит многотысячному серому прямоугольнику — той части великого народа, что терялась в обесцвеченной немошной полиграфией дали на пестреньком плакате в торце Лилечкиного класса, — о том, что он умер. (209).

Это же «плакатное», нарисованное единство народов проповедует на уроке учительница, «поклонница Чернышевского и обожательница Клары Цеткин, Розы Люксембург и Надежды Константиновны» (202). В этой сцене ясно видно противоречие идеологического, виртуального единства и реальной разницы, которая проявляется во вражде, в неприятии этнически других, в национализме и антисемитизме.

Итак, на четвертом уроке, ближе к концу, Антонина Владимировна, сверкая самой одухотворенной частью своего лица, железными зубами, состоящими в металлическом диалоге с серебряной брошечкой у ворота в форме завитой крендельком какашки, взяла в руки полутораметровую полированную указку и направилась к пыльному пестрому плакату в торце класса. Держа указку как рапиру, она ткнула ее концом в негнущееся слово «интернациональный».

— Посмотрите сюда, дети, — она так и говорила: «дети», не гимназическое «девочки», не безликое «ребята», — здесь изображены представители всех народов нашей великой многонациональной родины. Видите, здесь и русские, и украинцы, и грузины, и... — Лиля сидела вполоборота назад в тихом ужасе — неужели она сейчас это произнесет и весь класс обернется к ней? — и татары, — продолжала учительница.

Все обернулись на Раю Ахматову, лицо ее налилось темной кровью. А Антонина Владимировна все неслась по опасному пути:

— И армяне, и азербайджанцы, — так и сказала «азербайджанцы»... мимо, мимо... нет!.. — и евреи!

Лилиа замерла. Весь класс обернулся в ее сторону. (202)

Самым главным и активным антисемитом в тексте, тем, кто преследует Лилю и издевается над ней именно как над чужой, еврейкой, а значит врагом и преступницей, является в рассказе «Бодрик, у которого были «жестяно-синие глаза и лицо без подробностей» (199)

Их разделяли теперь два шага полной тьмы, но она почему-то увидела, что стоит он, прижавшись спиной к внутренней двери, раскинув крестом руки и склонив набок густо-русую голову.

Он был актером, этот Бодрик, и теперь он изображал что-то страшное и важное, думал, что Христа, а на самом деле был маленьким, дерзким и несчастным разбойником. А девочка стояла напротив со скорбно-семитским лицом — высоким переносьем тонкого носа, книзу опущенными наружными углами глаз, с нежно-выпуклым ртом, с тем самым лицом, какое было у Марии Иосиевой...

— А зачем ваши евреи нашего Христа распяли? — спросил он ехидным голосом. Спросил так, как будто распяли евреи этого Христа исключительно для того, чтобы дать ему, Бодрику, полное и святое право шлепать Лилечку по заду ржавыми железными воротами.(203)

### 6.2.3 Социальная инаковость

Семья Лили тоже не невинна - они смотрят на семью Бодрика как на «иных», как на социальных маргиналов, нищих, которым надо подавать милостыню

В конце лета Бела Зиновьевна, неуклонно исполняющая какие-то анахронические, ей одной ведомые обязательства богатых перед бедными, послала Лилю в дом дворничихи с жестко отглаженной, аккуратно сложенной стопкой ее, Лилечкиных, вещей, из которых в этом году она так стремительно вырастала. Девочки Бодровы, Нинка и Нюшка, с визгом и шумом разделили Лилино добро, Тонька-дворничиха поблагодарила и сунула Лиле в руку маленький зеленый огурец, а Бодрик, еще издали завидев Лилю, убрался к своим голубям, кроликам и цыплятам и не показался во все время, что Лиля оставалась в их отгороженном от общего двора загоне. (205)

Именно потому Бодрик так себя и ведет с Лилей, он мстит за унижение, которое испытывает его семья. Когда они с Лилей дерутся каждый мстит за свое унижение как иного (маргинального) -- чего не хочет и не может понять Лилина бабушка Бела Зиновьевна.

— Какая низость, какая черная неблагодарность, — клокотала Бела Зиновьевна, волоча за руку упирающуюся Лилечку к бодровскому жилью. И дело было, в конце концов, не в аккуратных тридцатках, которые Бела Зиновьевна пунктуально преподносила на праздники этой опустившейся несчастной пьянчужке, и не в стопочках старых Лилечкиных, очень еще приличных вещей, а дело было в том, что по симметрическим понятиям ее справедливости не мог Тонькин сын руку поднять на ее чистенькую, ясную девочку, на ее розово-смуглое личико, оскорбить ее своим грязным прикосновением, этими ужасными царапинами. Надо было, кстати, перекисью промыть... (207-208)

Мы попытались продемонстрировать, что в рассказе «Второго марта того же года...» проблема инаковости решается через этнические контрасты и конфликты, которые показывают обманчивость и лживость декларируемого «единства советского народа», и в то же время в рассказе показывается, что это самое единство возможно не в социальных фикциях типа «советский народ», а в смерти и любви (сексе), потому что Лиля и Бодрик испытывают подростковое влечение друг к другу, и рассказ кончается смертью (Сталина и Аарона) и первой менструацией Лили.

В анализе следующего рассказа «Цю-юрихь» мы можем видеть еще один вариант изображения инаковости, при котором понятие идентичности меняется в зависимости от ситуации и не сводится к стереотипам.

### **6.3 Идентичность и стереотипы в рассказе «Цю-юрихь»**

Для рассмотрения и анализа идентичности и гендерных, национальных и социальных стереотипов, составляющие понятие "инаковости" в рассказе Л. Улицкой «Цю-юрихь», необходимо вспомнить как строится человеческое самосознание (идентичность), о чем мы писали во второй главе данной работы. Понятие идентичности делится на личностную и социальную, а в них входит еще масса разных идентичностей, которые меняются в зависимости от ситуации. И важным для характеристики личности каждого человека является причастность к коллективу "своих" с его неповторимыми физическими, культурными, историческими, религиозными характеристиками и дарует людям чувство "принадлежности". В совокупности же эти принадлежности образуют самосознание, идентичность. Для понимания своего и чужого в идентичности важным может быть понятие *репрезентации*, которое является закономерным продолжением уровня номинации и, как пишет Добросклонская (2005:33), отвечает на вопрос: как строится, из каких компонентов состоит образ других в национальных менталитетах? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо изучать культурно-этнические варианты реализации категории "иных", а именно образы и стереотипные восприятия другой страны, другой культуры, другого народа. Концепция стереотипов, как мы попытаемся показать, является ключевой для анализа рассказа «Цю-юрихь».

#### **6.3.1 Фабула рассказа «Цю-юрихь»**

Основой повествования рассказа Л. Улицкой «Цю-юрихь» является история Лидии-бедной девочки из белорусского села, которую взяла практически в служанки Эмилия Карловна, женщина из буржуазной семьи. Эмилия обманывала своего мужа полковника НКВД, утверждая что сама она происходит из бедной семьи и ее отец был рабочим, что было неправдой, потому что, как мы узнаем из ее воспоминаний, девочкой ее возили и в Париж и в Женеву, то есть, семья ее была небедная и, наверное, не рабочая, и ее отец, латыш, служил начальником латвийской зондеркоманды, которая



занималась, в частности, уничтожением евреев. Эмилия Карловна содержала детский сад (наверное, полулегальный, неофициальный) на дому, где учила детей языкам, музыке и хорошим манерам. И в этот детсад ходили только еврейские дети, потому, вероятно, что еврейские семьи в Москве были состоятельные и интеллигентные, хотели этому учить детей и могли за это платить. Отец Эмилии был антисемит и она отчасти тоже (об этом говорит ее дочь Лора), а пришлось ей учить еврейских детей и к тому же Лора вышла замуж за еврея и хочет увезти ее в Израиль. Лидия, прожившая долго этой в семье, сама хорошо усвоила все манеры и имела большую тягу к учению, потому ходила на различные курсы, включая немецкий язык, и мечтала о приличной жизни, успешно претворяя задуманное в жизнь. Ей удалось, несмотря на невыразительную внешность, познакомиться со швейцарцем Мартином, приехавшим на выставку в Москву. Она заинтересовала Мартина, и их отношения неожиданно получили продолжение, после того, как жена Мартина потребовала развод. У Лидии и Мартина была общая мечта о ресторанном бизнесе, и они вместе работали над ее осуществлением, но в первый же день после открытия ресторана «Русский дом» у Мартина случился инсульт, и он пожизненно остался инвалидом. Лидия взвалила на свои плечи и бизнес, и уход за Мартином. После десяти лет успешного ведения бизнеса, она поняла, что хочет признания своих успехов и, чтобы ее оценили, решает съездить в Москву к Эмилии Карловне с подарками. В Москве она изображает из себя иностранку, но, приехав домой к Эмилии, узнает, что у той тоже был инсульт, что она инвалид и за ней ухаживает ее дочь, которая собирается в Израиль со своим мужем-евреем. Лидия возвращается в Цюрих, думая о своей, в общем-то удачной жизни.

### 6.3.2 Гендерные, национальные и социальные стереотипы в рассказе

В творчестве Улицкой особенно важно, что она всегда соединяет разные «инаковости» и умножает, усложняет различия и сходства, добавляя к гендерным, социальные, этнические и другие. Например, в парах Эмилия Карловна-Иван, Лидия-Мартин важны гендерные различия, представления о мужественности и женственности как ином. Женщины в этих парах находятся в похожей позиции (должны приспособливаться к мужчине), потому что живут в патриархатном порядке, где женщина -- второе и иное. Понятие гендера является важным аналитическим инструментом для анализа этого рассказа, оно важно для того, чтобы понять социальные процессы, а именно отношения между мужчиной и женщиной и их социальное конструирование. Именно этот

социально-конструктивистский подход определяет маскулинность/феминность в терминологии гендерных ожиданий. То есть, маскулинность/феминность -- это представления, в которых определяется, чем мужчина/женщина должен/на быть и что от него/нее ожидается. Согласно данному подходу, маскулинность и феминность конструируется как обществом, так и каждым человеком мужского /женского пола. Полярность и противопоставление являются сущностью конструирования гендера. Гендерная система отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, которые адресуются к людям в зависимости от их пола. Это хорошо можно видеть в рассказе.

[...] только серебро и посуда хорошая остались от старых времен — против них Иван Савельич не возражал. Быстро пообвык, от алюминиевой миски к серебряной переход легок, обратно потрудней получается. Но ему не пришлось. Его до самой смерти Эмилька ублажала не потому, что сильно любила, а потому, что была порядочная. И Лидию приучила (326)

Эта цитата подтверждает рассмотренное нами в теоретической главе в разделе о гендерных отношениях утверждение, что после своего рождения человек женского или мужского пола попадает в сложившуюся систему отношений, где мужчинам отведена активная роль, а женщинам пассивная. При этом значимость активного всегда выше пассивного в соответствии с иерархией отношений. В каждой культуре значение гендера меняются, и гендерная система взаимосвязана с политическими и экономическими факторами.

И у героев анализируемого нами рассказа, и у читателя есть представления о гендерной системе описываемого Улицкой общества и соответствующие гендерные стереотипы репрезентации), с которыми связаны ожидания. Эти гендерные стереотипы тесно соединяются с этническими и социальными стереотипами. Например, русские (и Лидия) считают, что все мужчины-иностранцы (и, особенно, может быть, швейцарцы) -- богатые, успешные, рациональные, думающие о своей выгоде, видящие в женщине помощницу и обслугу. На первый взгляд, эти стереотипические ожидания вполне оправдываются. Швейцарец по стереотипу – чистенький, богатый, аккуратный, организованный и цивилизованный, в отличие от русских мужчин – воспитанный, ухоженный, хорошо пахнущий и т.п. В подтверждение этого можно привести целый ряд отрывков, где изображается восприятие Лидией Мартина во время его первого визита к ней домой

[...]загорелый полненький мужчина, окруженный тонким сиянием... Сиял он, однако, не сам по себе, а переливчатым серо-голубым пиджаком. Пахло от него бодрой сосной, туфли на нем были женского серого цвета, в фасонистых дырочках. (311)

Господин сообщил, что он швейцарец из Цюриха, представитель фирмы, производящей краски, имеет дом в пригороде и любит животных.(311)

А ножки, ножки какие, какие пальчики. Маникюр, что ли, на ногах делает? Как вспомнила Колькины копыта, прель на ногтях, ничем не выведешь, — от сапог, он все говорил. От сапог вся вонища-то, мой не мой — без разницы. Хоть кирза, хоть хром, который мужик в сапогах, само собой воняет... Лидия как пальчики его увидела — все сразу наперед поняла: сейчас жизнь решается (318)

Ботинок мягкий, гладкий, из чего они их делают, такую кожу да хоть на рожу...(318)

А как он ел! Медленно, аккуратно, салфеточка на коленях, ножом-вилкой не гремит. Как будто его сама Эмилька учила. Не для утоления голода, а просто для красоты, ну, как на пианино люди играют или танцуют. Наши так не едят, хоть убей их (320)

Он не такой молодой потом оказался, хотя свеженький, полненький, лет ему уже сорок восемь было. Но лицо очень гладкое, совершенно без морщин, загар ровный. Только темечко лысое. В остальном же очень, очень приятный мужчина. Там, в Швейцарии, как выяснилось впоследствии, все такие — приятные, чистенькие, порядочные, это Лидия уже потом узнала. В тот момент она только одно понимала: здесь таких не бывает, и хоть сто лет ищи, здесь ей такого не достанется. Может, у артисток или у певиц такие мужчины, но она здесь таких не наблюдала ни у Эмильки в доме, ни в поликлинике, ни в педучилище, ни в университете марксизма-ленинизма. Нигде.(320)

[...]потом никогда в жизни не встретит она этого Мартина, такого необыкновенного, таких вообще мужчин нет, у него даже пот не пахнет, просто как у ангела...(323)

Это же стереотипное впечатление подтверждается, когда Лидия решается уехать в Швейцарию:

Встретил на вокзале в Цюрихе, в темно-зеленом пальто волосатеньком, в такой же волосатенькой шляпке, поле коротенькое, сзади приподнято, и перышко пестренькое сбоку. Ну прелесть просто. И одеколоном пахнет, и сам чемоданы не хватает, как русский мужик, а носильщику машет, и Лидию целует и под руку ведет... А кругом такая заграница, что даже в кино такого не показывают (331)

У иностранцев также есть сложившиеся стереотипы в отношении русских. Лидия сама

хочет предстать в образе милой, приличной, образованной, но знающей свое место русской женщины, для которой важно достоинство, но одновременно скромность и жертвенность. Когда Мартик приходит по ее приглашению в гости, она предлагает ему все лучшее, что есть в доме и в ней самой. Она предлагает ему «загадочную и смиренную русскую женскую душу», о которой иностранец должен быть хоть смутно наслышан. Самым значимым «жестом» женского русского жертвенного смирения является то, что она моет ему ноги, и это поражает Мартика и подтверждает его стереотипные ожидания .

Исключительная женщина. Какие красивые волосы. Если распустить, это целое богатство, наверное, ниже пояса.(320)

Мартин все решал задачу: ничего у него не сходилось — угощение невиданное, он икру и не пробовал никогда в жизни, и в голову не приходило, сервировка царская, музейная, можно сказать, а квартира-то нищенская, убожество. Загадочная женщина... А ноги? Как она ему ноги помыла! От нее многого можно ожидать... Он восемь лет ходил к одной польке, пока на Элизе не женился, и двести франков ей давал, так она даже бутылки минеральной воды ни разу не купила, он все приносил сам — и воду, и кофе, и печенье... Не зря говорят: загадочная русская душа.(320)

Он трудился над Лидией до позднего вечера, он выполнил свою месячную норму. Он никогда не ощущал себя гигантом, но в этот день в нем что-то открылось гигантское из-за этой женщины с тонкой талией, необыкновенной женщины, загадочной, с черной икрой и без ванной, даже без душа, с серебряными приборами и небритыми подмышками и такой при этом образованной: по всем стенам висели дипломы в рамочках, по меньшей мере восемь, и с бабушкой Ка Эр, да еще готическим шрифтом... А телефона обыкновенного нет...(322)

Да-да, швейцарские женщины, конечно, просто коровы... польки алчные... китайки — продажные... а эта русская Лидия — настоящее чудо, просто загадочная русская душа..(322)

Убедился, что Лидия — живой клад: массаж, забота, питание, секс — качество первый класс.(329)

В рассказе особенно ясно показаны национальные стереотипы, переплетающиеся с гендерными. Причем, эти стереотипы существуют в представлениях Лидии и Мартина бессознательно, но одновременно сознательно используются для «игры», для собственных стратегий. Так в глазах Мартика Лидия выглядит загадочной и жертвенной русской душой. Читатель тоже в начале текста готов воспринимать Лидию внутри стереотипов: она женщина, которая мечтает любыми путями устроить свою

судьбу, мечтает о роскошной жизни за границей и очень расчетливо «завоевывает» Мартина. Это очень сознательные и хитрые «военные действия», в которых, кажется, только расчет и ни капли искренности

Три полных рабочих дня просидела Лидия на лавочке с раскрытым учебником немецкого языка. Оказалось, что все она *рассчитала* правильно и свой отпуск потратила не зря. К концу третьего дня из выставочного павильона вышел загорелый полненький мужчина, окруженный тонким сиянием, и сел рядом с ней (Курсив здесь и дальше мой – Е.К.,311)

«Лидия [...] рассказала о себе — этот рассказ она давно уже *подготовила, выучила наизусть и отрепетировала*.(310); «*Не расслабляться, только не расслабляться, скомандовала себе Лидия*».(313); «*Главное — не терять инициативу, сосредоточилась Лидия*» (314); [...] настроение было *отличное, боевое, как перед важным экзаменом*»..(315)

Пока стирала занавески, Лидия всю программу досконально обдумала. Конечно, без Эмилии Карловны не обойтись. У нее надо позаимствовать кое-что для приема. На закуски не напирать, икру, конечно, купить, ну, граммчиков двести осетрины горячего копчения, а в основном — настоящий русский стол... уха, пирожки [...] может, курник... бефстроганов тоже неплохо... но и не перемудрить. В общем, задача... И что надеть? Тоже момент очень существенный — не упустить бы самого важного...(315)

Хотя среди многих ее достоинств, включающих даже и простодушие, искренности как раз и не было. Скорее она была хитровата. Вот именно, простодушна и хитровата. Но если говорить *о стратегии ее жизни, то именно в данном случае она собиралась хитрить, и охмурять, и даже обманывать*. Ничего этого ей и не понадобилось — господин ей ужас как понравился.(313)

Но главное дело был теперь немецкий язык и открытки. Лидия так решила: на новые курсы — раз и открытки с русской картиной-репродукцией или с видом природы — два.(324)

Лидия всеми доступными ей средствами развивает и утверждает уже существующий в глазах Мартина стереотип «настоящей русской дамы» (330). Такой загадочной, с намеком на аристократизм и жертвенность дамой она, конечно, не является, Это самообраз, создающийся из эксплуатации национально-гендерных стереотипов.

В глазах Эмилии Карловны Лидия отождествляется совсем с другим, но тоже стереотипным образом расчетливой и прагматичной простой (бело)русской крестьянкой, которая своего не упустит, использует шанс, который предоставила судьба

[...]Эмилия Карловна [...].посмотрела на Лидию с новым интересом: девчонку она, можно сказать, своими руками сделала. Снимала дачу в Подмосковье, году в пятьдесят восьмом, — Иван Савельич еще жив был, точно, в пятьдесят восьмом, и племянница хозяйки, сирота Лидка откуда-то из Белоруссии, прислуживала там по хозяйству. Девчонка тихая, забитая, совершенно без всяких способностей — сначала так показалось Эмили Карловне. А в последний день, перед отъездом, все-таки решила взять ее с собой.... Но жила она у них, при кухне.(325)

[...] Эмилия уважительно держала это письмо и смотрела на Лидию как бы новыми глазами: молодец, молодец, девочка! Из никудышных обстоятельств, совсем из ничего, построила ведь очень неплохо: образование, своя квартира, даже внешность свою невыгодную облагородила, имеет стиль, в конце концов. (325-326)

И у Лидии есть свои стереотипы, с помощью которых она воспринимает и оценивает Эмилию Карловну: Эмилия для нее образец воспитанности, шика и аристократизма.

Эмилька тогда пятерых деток держала, вроде частный детский сад [...].До обеда полчаса, пока Лидия судочки грела, в немецкое лото играли и только по-немецки говорили. Их хабе нуммер айнундцванциг... И обедали по-немецки.(318-319)

Но выстраивая систему стереотипов, сквозь которые персонажи смотрят друг на друга и понимают друг друга, автор все время дает понять, что есть у каждого из них какая-то тайная, скрытая, никому не известная часть жизни и биографии, которая свидетельствует о том, что лежащие на поверхности и легко понимаемые стереотипы, — это только «маска», а не сущность идентичности. У Эмили есть от всех скрываемая буржуазная юность, убитый партизанами отец-антисемит, У Лидии тоже были свои «скелеты в шкафу»

И Лидка — тоже молчунья. Знала, да не говорила. Тоже свой секрет содержала в молчании. Отец ее был арестован после освобождения Белоруссии Красной Армией и расстрелян в сорок четвертом за какие-то грехи против советской власти. Лидия не то забыла, не то ничего и не знала. Одиннадцать детей после него осталось да выгоревшая изба. Из одиннадцати трое выжили. И видеть друг друга не хотели, разъехались, развеялись. Говорили, старший брат военным стал, а сестра где-то не то в Нальчике, не то в Пятигорске жила. Все — забыто навсегда. И у Эмили, и у Лидии.(326)

Но в рассказе Улицкой не только есть намеки, что человек не сводится к набору масок-стереотипов, но и прямое изображение деконструкции этих стереотипов, их недостаточности и ложности.. После того, как «отбыла Лидия с Белорусского вокзала в

город с журливым и шелестящим именем “Цю-юрихь”, где полны подземелья золота, где жил Ленин, сидел там на набережной» (323), происходит поворот, слом ожиданий.

### 6.3.3 Деконструкция стереотипов

По ту сторону границы – в реальном, а не сказочном Цюрихе все оказывается не так, как рисовалось стереотипному воображению: швейцарец оказывается совсем не богатым, не устроенным, одиноким, ненадежным, зависимым от женщин.

Фирма принадлежала Элизе, и здесь был корень всех зол. Если бы фирма была просто чужая, ничья, хозяйская... Или если бы фирма принадлежала ему, Мартину... Но он был в таких крепких объятиях своей лакоkrасочной супруги, что иногда просыпался от ужасного сна, будто влип в краску и не может из нее вытащить ноги, старается, рвется, а потом замечает, что ноги-то не его, а мушиные...(321)

Мартин правда пытается вести себя по тем образцам, которые созданы воображением Лидии:

[...] может, и перетерпел бы свое любовное приключение и оно само собой обратилось бы в один из эпизодов его, в общем-то, скромной сексуальной биографии, и улеглась бы Лидия в ряд, где прежде была полька, потом разовая китаянка, а потом она, разовая русская, но Элиза разохла семейный скандал и нехорошо упрекнула Мартина в его мужской и всяческой никчемности, в то время как он теперь твердо знал, что способен на большие подвиги, если к нему дама относится с восхищением и в тазик с прохладной водой окунает натруженные ноги... И, замирая от неведомого, словно напрокат взятого мужества, он сказал Элизе с тихим достоинством, что — да, он полюбил русскую женщину и готов был подавить в себе это чувство, но ежели она, Элиза, желает теперь развода, то он, Мартин, тоже не возражает.(328)

Однако, после приезда Лидии обстоятельства складываются так, что он оказывается зависим теперь уже от нее. У Лидии же разрушение стереотипов о Швейцарии, западной жизни и швейцарцах начинается буквально с первого дня жизни в богатой и желанной загранице

Не ожидала Лидия, что все так дорого в богатой Швейцарии, уж на что она была ловкая, хорошо умела приспособиться, но туговато приходилось.(331) .

Но жизнь в Швейцарии оказалась ох трудна. За все — плати. Электричество, вода, бензин, мусороуборка, а налоги вообще отдельная песня.(333)

Народ швейцарский сначала Лидии очень понравился за вежливость и за чистоту. Но — себе на уме. Раньше, на Родине, Лидия сама себе казалась очень умной. А здесь все оказались такие же умные, наперед все просчитывают.(333)

Каторга, а не жизнь. Спала по хорошим дням часов по пять, по плохим и трех не набиралось.(333)

С самого своего приезда Лидия проявляет себя очень предприимчивой, деловой, упорно желающей заниматься бизнесом, иметь собственное дело. Здесь мы опять наблюдаем деструкцию стереотипов, так как вопреки ожиданиям и укрепившимся мнениям о русских женщинах как о ленивых и хаотических, Лидия оказывается умной, рациональной, хорошо организованной, способной к бизнесу..

Дипломы все свои Лидия на немецкий язык перевела, и взяли ее в маникюрши.(331)

К концу года оформили аренду, чудесное место для ресторана..(332)

А ресторанное дело шло хорошо, Лидия его не бросала. ..Пришлось опять на курсы идти, задаром никто ни слова тебе не скажет(333)

Деревенскую сестру Мартика Лидия прогнала, только под ногами путается, а в жизни, хоть швейцарка коренная, — ноль понятия. Вместо нее наняла других помощников, югославку толковую, тоже за швейцарцем замужем. Еще одну помощницу — наняла хромую, очень некрасивую женщину, но быструю и дельную. Ей Лидия и у плиты кое-чего несложное доверяла. Также потом оказалось, что она не настоящая швейцарка, а из евреев. Еще один официант был итальянцем. Но это дело известное, что итальянцы все — прирожденные официанты: приветливые, улыбаются и шутят. Но вороваты. Впрочем, у Лидии не украдешь, хорошо следила. Репутация — нешуточное дело, ее и за деньги не купишь. Она как зернышко: посадил в горшок, поливай, удобряй — оно растет. Год, другой, третий... Год, другой, третий...(335)

С Мартиком происходит несчастье, в результате инсульта он становится тяжелым инвалидом и опять, Лидия ведет себя вопреки стереотипным ожиданиям: несмотря на обретенную к тому времени финансовую и деловую самостоятельность, она не бросает Мартика, а заботится о нем, но не жертвенно и эмоционально, а по-западному рационально, спокойно, но надежно и бескорыстно.

Ходить не может. Но в кресло его пересадили. Лидия по утрам его навещает, двумя автобусами, три с половиной часа занимает.(333)

Мартина жалко, да только жалеть некогда. Он как ребенок маленький, пух на затылочке слежался, уж Лидия, как забрала домой, вылизала его, массаж стала делать ежедневно, по часу. Врачи говорили, что не восстановится, но ножка левая, пораженная, потихоньку стала



укрепляться. Еще месяца три прошло, и он уже стоял на ногах, за спинку кресла держался и стоял.(333)

Она заново научила мужа ходить, он теперь ковылял с палочкой по дому, гулял в их садике. Лидия купила ему породистую собачку, серого карликового пуделя, назвала его Милк. Содержание Милка обходилось в копеечку — то прививки, то ветеринар. Но оказалось, что и здесь Лидия не прогадала. Швейцарцы животных любили, приходили ужинать семейные пары, детишки с Милком играли и потом просили родителей снова с русской собачкой поиграть. Хорошая клиентура. А Мартика дети звали “собачкин дедушка”.(335)

Та же деконструкция стереотипов и слом ожиданий происходит и когда Лидия приезжает погостить в Россию и продемонстрировать Эмилии Карловне свое нынешнее благополучие, показать, что если раньше Эмилия покровительствовала Лидии, бедной белорусской девочке без штанов, то теперь в Россию приезжает

«гражданка Швейцарии, фрау Гропиус, в скромном с виду пальто из плащевой материи, с нежной подкладкой из меха кенгуру. Носильщик нес за ней ее небольшой чемодан и дорожную сумку, а встречала ее переводчица из Интуриста, мелкий лейтенант из КГБ, с казенной улыбкой и листом бумаги с ее, Лидиной, фамилией. Такси довезло их до Манежной площади. Лидию по дороге тошнило — от волнения. Переводчица говорила с ней на дурном немецком языке, Лидия своего русского не открывала. Зачем? Поужинала в ресторане на втором этаже...(338)

Понятия своего и чужого переворачиваются: Лидия теперь важная иностранная дама, которой гид показывает «достопримечательности Москвы». И даже ее внешность теперь оценивается по-другому: она теперь «считалась интересной дамой» (335)

Лидия, в России еле-еле сходящая за дурнушку, здесь считалась интересной дамой, ее даже за француженку иногда принимали(335).

Но предъявить свои успехи и преобразования ей некому, потому что Эмилия Карловна, которая была для нее стереотипным образцом «роскошной и богатой женщины», перенесла insult и превратилась в слабоумное, ничего не понимающее существо:

Эмилия Карловна улыбалась Мартиковой деликатной улыбкой, и круглая бусина слюны собиралась в углу рта.(340)

Эмилия Карловна ела печенье одно за другим, напрочь забыв о деликатной науке поглощения пищи, которую преподавала годами своим воспитанникам. Она засовывала печенье глубоко в рот, проталкивая его обломанными ногтями, и крошки падали на грязный воротничок, на протершуюся грудь старой кофты...(342).

Таким образом все попытки людей предъявить друг другу стереотипные маски, какими бы они ни были: простой женщины, жертвенной женщины, аристократической женщины, успешной женщины, успешного западного мужчины и т.д. оказываются в общем безуспешными, потому что стереотипы не выдерживают испытания переменами социальной и биологической жизни.

#### 6.3.4. Меняющаяся идентичность

В конце этой главы мы хотим сделать вывод, что "инаковость" это скорее не свойство, а следствие, также различие и противоположность -- это не синонимы, так как противоположности существуют только внутри какой-то идеологии. Так мы думаем, исходя из стереотипных представлений, что это Мартин облагодетельствовал Лидию, что он -- даритель, а она -- «получатель», а оказывается все наоборот. Именно в этом смысле представлены образы главных героев Лидии и Мартина -- там есть стереотипы о характерах (то как Мартин думает о русских женщинах и Лидии и как Лидия думает о Мартине, Швейцарии, жизни за границей) – и Улицкая строит весь сюжет на разрушении и переворачивании этих стереотипов. Несомненно проблема стереотипов является ключевой в данном рассказе, там все время меняется фокализатор- и мы видим как стереотипно видят друг друга ( дружость друг друга) Мартин и Лидия. А их идентичность, по крайней мере идентичность Лидии, о которой сказано больше, не сводится к стереотипам. Также в рассказе сравнивается Лидия с Эмилией Карловной - там много общего и разного и они тоже «меняются ролями», но все же это связано с проблемами «своего и чужого», с проблемами стереотипов, представлений о своем и чужом. Одна из главных мыслей рассказа -- как обманчивы стереотипы, как все в жизни сложнее, как все может меняться и переворачиваться и как нельзя ничего понять о человеке и его жизни, если мыслить только внутри стереотипов. Инаковость находится все время в процессе, в становлении.

В этом рассказе мы видим опять особенное для Улицкой решение темы «свои» и «чужие»: все постоянно меняется, все стереотипы ложны, деление на своих и чужих никогда не безусловно и не окончательно, и все время меняется и переопределяется.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью нашей работы было исследование и анализ форм и функций «инаковости» в творчестве Людмилы Улицкой. Для решения поставленной задачи нами были выбраны три рассказа из ее книги «Рассказы», а именно: *Дочь Бухары* (2007), *Цю-юрихъ* (2007), *Второго марта того же года* (2007).

Анализ форм и функций «инаковости» мы осуществляли с помощью таких концепций, как идентичность субъекта, этничность и гендер. То есть в данной работе мы рассмотрели, как в этих рассказах показываются и выделяются социальные, культурные, этнические и гендерные особенности в характерах героев и в их повседневной жизни, какие художественные функции выполняют в текстах Улицкой различные виды дружности (инаковости). Прежде чем перейти к аналитической части работы, мы уделили внимание определению и обсуждению таких понятий, как *инаковость, идентичность, самоидентичность, этничность и гендер.*

В первой главе мы представили понятие "инаковость", с помощью которого анализируются отношения между знакомым и незнакомым, а также, например, структура власти. Термин "инаковость" объясняется через понятие "различие". Смотри на "другого", человек автоматически видит разницы, а не те же особенности, что у самого себя, вследствие чего человек автоматически активизирует в своём подсознании серию других качеств, которые относятся к той "иной" особенности, то есть стереотипов.

Мы считаем, что человек часто подсознательно делит мир на своё и чужое, а так как этот процесс важен для создания его идентичности, то теории "инаковости", исследуемые нами в этой работе, оказываются важными для анализа этой идентичности и ее изображения в художественных текстах. Некоторые "инаковости", на наш взгляд, человек может видеть даже в излишне черно-белом варианте, например, традиционные роли мужчины и женщины. Исходя из этого, мы заинтересовались гендерной проблематикой в контексте проблемы инаковости.

Во второй главе мы, опираясь на теоретические источники, обсудили, как именно механизмы инаковости участвуют при образовании самоидентичности. Мы ознакомились с понятиями идентичности и субъекта с помощью книги Стюарта Холла *Идентичность* (Identiteetti, 1999), из которой следует, что идентичность – сконструированное понятие и поэтому "Я", всегда в каком-то смысле фиктивно. Исследования идентичности позволяют также сделать вывод, что так называемые "смычки": нация, этническая группа, семья, гендер и т.д., которые дают возможность сообществу чувствовать свое единство, тоже в каком-то смысле фиктивны. С. Холл утверждает, что идентичность строится через различия, так же, как и инаковость. Без осмысления собственной идентичности невозможно понять, что такое "иной", как, в свою очередь, без «иного» невозможно понять свою идентичность. Эти идеи с, Холла оказались очень важными при анализе рассказов Л. Улицкой.

Современные теории идентичности показывают, что идентификация человека непрерывно меняется, и законченной идентичности не существует. Идентичность -- это не постоянная сущность: она двигающаяся и фрагментарная и к тому же исторически определенная.

В третьей главе мы рассмотрели ключевое для нашей работы понятие этничности с точки зрения инаковости и культурной идентичности. Кроме того нам был интересен вопрос об этнической ситуации в современной России, который представлялся нам важным для анализа творчества Л.Улицкой в целом и избранных нами рассказов в частности.

Как и инаковость, этничность возникает в отношениях с другим. Этнические идентичности, как и любые другие идентичности, существуют в постоянном взаимодействии различий и схожестей. Понятие этничности -- одновременно конфликтно- культурное, политическое и организационное. Исследуя понятие этничности с точки зрения дружности, мы поняли, что необходимо отличать друг от друга понятия этнической группы и этнической категории. Первое относится к группе, созданной с помощью самоопределения, а второе относится к определению кем-нибудь "извне".

Культурную идентичность также возможно рассматривать через различия, то есть, через понятие инаковости. Человек не рождается с "готовой" культурной

идентичностью, то есть она не связана с существенными моментами истории, а воспринимается как объект перемен и игр истории, культуры и власти. Этот же феномен подтверждается и в остальных исследуемых нами теориях инаковости.

В четвертой главе мы ознакомились с понятием гендера и рассмотрели его с точки зрения инаковости. У понятия гендер существует множество теорий и определений. Мы рассмотрели полемику между эссенциалистской позицией, понимающей пол строго биологически и ссылающейся на «природную сущность» маскулинности и феминности конструктивистами, которые считают, что маскулинность и феминность – это конструкции, которые строятся как через ожидания общества, так и каждым человеком мужского/женского пола.

С точки зрения инаковости, по отношению к мужчинам, женщины определяются как другие, отличающиеся от них. Именно мужская "точка зрения" определяет и мужчин, и женщин (как "второй пол"). Женщины определяются как второстепенная часть людского рода, и таким способом они усваивают подобное представление о себе и мужчинах.

В пятой главе данной работы мы представили Людмилу Улицкую, как одну из самых популярных современных российских авторов. Мы также рассмотрели ее участие в проекте издания серии книг для детей «Другой. Другие. О других.», главной целью которого является воспитание толерантности, что важно для понимания значимости самой темы инаковости для самой Л. Улицкой.

Предметом шестой главы стал анализ выбранных нами рассказов в свете проблемы инаковости, ее форм и художественных функций в прозе Улицкой. В ходе анализа мы убедились, что эта проблема важна для Улицкой и разнообразно представлена в ее текстах. Три выбранных нами рассказа демонстрируют разные художественные стратегии работы с проблемой инаковости.

В рассказе *Дочь Бухары* инаковость постоянно умножается, вбирая в себя этнические, социальные и гендерные аспекты.

В рассказе *Второго марта того же года* раскрыта тема «ложности» единства «великого советского народа», живущего под девизом интернационализма. На деле же, как показывает Улицкая, советское общество полно различий и конфликтов. Этническая и социальная инаковость может быть уничтожена не ложными социальными фикциями, а такими глобальными понятиями как любовь и смерть.

В рассказе *Цюр-рих* ключевой является проблема стереотипов и их обманчивости, идентичность показана как постоянно меняющаяся и перестраивающаяся.

В данной работе мы ограничились анализом только трех рассказов Людмилы Улицкой, но в результате проведенного нами анализа, мы можем утверждать, что тема инаковости и толерантности – одна из центральных в творчестве Людмилы Улицкой.

## **БИБЛИОГРАФИЯ**

### **Первичные источники**

Улицкая, Людмила. 2007. *Рассказы*. Москва: Эжмо

### **Вторичные источники**

#### **Русскоязычные источники**

Добросклонская, Татьяна 2005. *В мире других*.

Дробижева, Л. М. 2001. Этничность в современном обществе. *Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации*. Мир России. Т. 10. № 2. С. 167-180.

Костикова, И.В. 2005. *Введение в гендерные исследования*. Аспект Пресс. Москва

Малахов, Владимир. 2007. *Понаехали тут...* Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. Новое литературное обозрение: Москва

Парнелл, Кристина. 2004. *Голоса других*. Женщины и меньшинства в постсоветской литературе. Verlag F.K. Göpfert, Fichtenwalde.

Роткирх, Кристина. 2009. *Одиннадцать бесед о современной русской прозе*. Новое литературное обозрение: Москва

#### **Иноязычные источники**

de Beauvoir, Simone. 1981. *Toinen sukupuoli*. Kirjayhtymä: Helsinki

Hall, Stuart. 1999, 2005. *Identiteetti*. Vastapaino: Tampere.

Kristeva, Julia. 1988. *Muukalaisia itsellemme*. Gaudeamus.

Kylmänen, Marjo (toim.). 1994. *Me ja muut: kulttuuri, identiteetti, toiseus*. Vastapaino: Tampere

Lehtonen M., Löytty O. 2003. *Erilaisuus*. Vastapaino: Tampere

Lindström, Minna–Marika. 1994. Vihollisesta vastustajaksi – John F. Kennedyn viholliskuva. *Me ja muut*. Toim. Kylmänen, Marjo. Vastapaino: Tampere.

Rastas A., Huttunen L., Löytty O. 2005. *Suomalainen vieraskirja*. Kuinka käsitellä monikulttuurisuutta. Vastapaino: Tampere

## Неопубликованные источники

**Пушкарь Г.А.** 2007. *Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект.* Федеральное агентство по образованию, Ставропольский государственный университет.

## Источники, опубликованные в Интернете

**Абубикирова, Н.И.** 1996. *Что такое “гендер”?* // *Общественные науки и современность.* № 6. С. 123-125.

<http://www.a-z.ru/women/texts/abubikr.htm> [Просмотрен 15.03.2010]

**Бавильский, Дмитрий.** 2009. *Надо учиться жить в новых обстоятельствах*

[http://www.chaskor.ru/article/lyudmila\\_ulitskaya\\_nado\\_uchitsya\\_zhit\\_v\\_novyh\\_obstoyatelstvah\\_3309](http://www.chaskor.ru/article/lyudmila_ulitskaya_nado_uchitsya_zhit_v_novyh_obstoyatelstvah_3309) [Просмотрен 18.10.2011]

**Вовк, Светлана.** 2011. *«Зеленый шатер» может стать последним романом Улицкой.*

<http://ria.ru/culture/20110209/332134299.html> [Просмотрен 15.10.2011]

**Кара–Мурза, Сергей.** 2006. *Это и называется Смутой.*

<http://www.kara-murza.ru/index.htm> [Просмотрен 16.02.2010]

**Карпенкина, Татьяна.** 2011. Людмила Улицкая и феминизм по-русски

<http://rus.ruvr.ru/2011/01/11/39261351.html> [Просмотрен 18.10.2011]

**Кон, Игорь.** 2010. *Идентичность.* Гуманитарные науки: Психология и педагогика

[http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye\\_nauki/psihologiya\\_i\\_pedagogika/ID\\_ENTICHNOST.html](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/psihologiya_i_pedagogika/ID_ENTICHNOST.html) [Просмотрен 16.02.2010]

**Малахов, Владимир.** 1997. *Парадоксы мультикультурализма.*

<http://magazines.russ.ru/inostran/1997/11/malachov.html> [Просмотрен 17.02.2010]

**Малахов, Владимир.** 2000. *Скромное обаяние расизма.*

<http://demoscope.ru/weekly/2006/0233/analit03.php> [Просмотрен 17.02.2010]



**Малахов, Владимир.** 2007. *Этничность в Большом городе.*

<http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ma19.html> [Просмотрен 17.02.2010]

**Мартыненко, Ольга .** 2008. *Жизнь перед лицом смерти.*

<http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/ulitskaya/interview.html>

[Просмотрен 17.10.2011]

**Низамова, Лилия.** 2009. *Российские и западные трактовки мультикультурализма.*

[http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2010/02/11/0000334667/Nizamova\\_9.pdf](http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2010/02/11/0000334667/Nizamova_9.pdf)

[Просмотрен 17.02.2010]

**Нудельман, Рафаил.** 2002 *Между утопией и историей.*

[http://www.jewukr.org/observer/jo18\\_37/p0901\\_r.html](http://www.jewukr.org/observer/jo18_37/p0901_r.html) [Просмотрен

16.02.2010]

**Сазонов, Антон.** 2011. *Судьба художника хранила.* <http://www.bg.ru/article/8784/>  
[Просмотрен 18.10.2011]

<http://www.tvkultura.ru/news.html?id=596368&cid=178&date=22.02.2011>

[Просмотрен 18.10.2011]

**Tanni, Mikko.** 2001-2004. *Identiteetti, toiseus ja mielikuvien muodostaminen.*

<http://www.yhdenvertaisuus.net/seis-koulutusmateriaali/02/index.htm>

[Просмотрен 19.02.2010]

**Тишков, А.В.** 1993. *Этничность и национализм в постсоветском пространстве.*

Проблемы межнациональных отношений в России. С. 265-277. Омск.

<http://www.ic.omskreg.ru/cultsib/reg/tishkov.htm> [Просмотрен 19.02.2010]

**Улицкая, Л.** 2007. *Интервью Елене Некрасовой для журнала "Город"*

<http://www.spbjournal.ru/culture/96.html> [Просмотрен 04.04.2010]

**Чупринина, Юнна.** 2005. *Улицкая на склоне*

<http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/ulitskaya/interview3.html>

[Просмотрен 15.10.2011]

**Шведова, Н.А.** 1995 *Гендерный анализ: Руководство по разработке стратегии.*

Перевод издания, осуществленного Министерством по делам женщин Канады. Научный редактор перевода Н.А.Шведова

<http://www.owl.ru/win/books/easygender/add1.html> [Просмотрен 27.03.2010]

**Юзефович, Галина.** 2008. *Там, где люди непросвещенные, особенно много жестокости*

[http://www.chaskor.ru/article/lyudmila\\_ulitskaya\\_tam\\_gde\\_lyudi\\_neprosveshchennye\\_osobenno\\_mnogo\\_zhestokosti\\_2269](http://www.chaskor.ru/article/lyudmila_ulitskaya_tam_gde_lyudi_neprosveshchennye_osobenno_mnogo_zhestokosti_2269) [Просмотрен 18.10.2011]

**Юзефович, Галина.** 2011. *Во мне борются две природы — богемная, разгильдяйская и высокоорганизованная, дисциплинированная*

<http://rus.ruvr.ru/2011/02/24/45819660.html> [Просмотрен 18.10.2011]

<http://www.itogi.ru/pda/iskus/2011/8/162194.html?page=2> [Просмотрен 18.10.2011]